

INSPIRIA

Друда
ШИБЕК

Секрет *книжного* шкафа



INSPIRIA

Фрида Шибек
Секрет книжного шкафа
Серия «Novel. Книжный
клуб Фриды Шибек»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69849157
Секрет книжного шкафа / Фрида Шибек ; [перевод с шведского Е.
Крестовской].: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-194686-9

Аннотация

**ИСТОРИИ ФРИДЫ ШИБЕК РАСПРОДАЮТСЯ
ТИРАЖАМИ В 200 ТЫСЯЧ ПО ВСЕМУ МИРУ!**

В старом книжном шкафу в полуразрушенном коттедже своей бабушки Ребекка находит дневник и стопку писем из 1940-х годов. Вскоре становится ясно, что история ее семьи гораздо сложнее, чем думала Ребекка. Она сбежала из дома и долгие годы не видела даже свою маму. Теперь же ей предстоит узнать, что за темные тайны скрывала все эти годы ее любимая бабушка Анна?

В письмах и дневнике оживает история времен Второй мировой войны. Юная Анна влюблена в Луку и готова рискнуть всем, когда он просит ее помочь переправить евреев через пролив, не подозревая, что это вмешательство навсегда изменит их жизни.

Ребекка понимает, что не только ей одной необходимо примириться со своим прошлым. Но достаточно ли времени прошло для того, чтобы семья смогла найти путь друг к другу?

Пронзительная и полная надежды история о том, как пережить трагедию и пронести свою любовь сквозь десятилетия. От Фриды Шибек, одной из самых знаковых писательниц Швеции.

«Восхитительно насыщенная история со всеми ингредиентами, нужными для отличного настроения!» – Expressen Söndag

«Фрида Шибек – мастерица любовных романов в историческом сеттинге». – Bokfiin

«"Секрет книжного шкафа" – это напряженная, насыщенная событиями и теплая история о любви, судьбе и мужестве. Две параллельные истории искусно переплетаются между собой и образуют хороший роман с замечательной атмосферой». – ВТJ

«Это одновременно сильный и до тонкостей выверенный роман. История прошлого не может не волновать...» – Boksann

Содержание

Пролог	9
Глава 1	13
Глава 2	24
Глава 3	34
Глава 4	45
Глава 5	55
Глава 6	59
Глава 7	76
Глава 8	86
Глава 9	93
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Фрида Шибек

Секрет книжного шкафа

*Посвящается бабушке Керстин и всем
отважным людям, рисковавшим своей жизнью,
помогая беженцам перебраться через Эресунн
осенью 1943 года*



Frida Skybäck

Bokskapets hemlighet

© Frida Skybäck 2021, be agreement with Andrew Nurnberg
on behalf of Enberg Literary Agency AB

Перевод с шведского *Екатерины Крестовской*



В оформлении переплета использованы фотографии:

© Spaskov, sirtravelalot, Maya Kruchankova, Irina Grabovaya / Shutterstock.com;

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:

© Ekaterina Mikheeva, Irina Grabovaya / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com



© Крестовская Е., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Изда-

Пролог

Ноябрь 1943 года

Анна смотрит в зеркало и с трудом узнает свое побледневшее лицо. В последнее время кусок в горло не лезет. Кожа стала серой, глаза запали, волосы потеряли блеск.

Стоя за ее спиной, мама прикрепляет фату. Каждая новая шпилька, которая втыкается в прическу, проходит сквозь волосы, отзываясь уколом в голову. Анна изучающе смотрит на мать, пока та сосредоточенно поправляет тонкую, невестомую ткань. В материнских глазах сквозит серьезность, вокруг плотно сжатых губ прорезались морщины.

Белое платье мерцает в свете лампы, взгляд Анны скользит по ниспадающей волнами ткани. «Как можно проще», – просила она портниху. «Но чтобы подобало достойной свадьбе», – добавляла мать. *Достойная свадьба*. Анна чувствует, как подступает паника. Как она поднимается в груди и не дает дышать. Осторожно касаясь изнанки, девушка пытается ослабить кружевной воротник, плотно сдавивший шею.

– Не знаю, смогу ли я, – бормочет она.

– Теперь держится, – замечает довольная мать, отставляя в сторону коробку со шпильками.

Анна хочет кивнуть в ответ, но ничего не получается. Все пережитое за последние недели внезапно охватывает ее. Девушка всхлипывает и оказывается в материнских объятиях.

– Ну, не надо, – успокаивает ее мать, неловко поглаживая по спине. – Все будет хорошо.

Материнский голос звучит мягко, но в нем угадывается нечто иное, отголосок какого-то раздражения. Он хорошо знаком Анне, и она боится, как бы маминому терпению внезапно не пришел конец. Бушующие внутри чувства необходимо унять, показывать их нельзя.

– Нервничать перед свадьбой – это нормально, – продолжает мать со слабой улыбкой на лице. – Я в день свадьбы была в полуобморочном состоянии. Все беспокоилась, вдруг что-то пойдет не так: флорист неудачно подберет цветы, еды на всех не хватит или священник собьется. Но все обошлось.

Мать опускает глаза, и повисает молчание. Они стоят так близко, что с легкостью могут дотронуться друг до друга, и в то же время их разделяет необъятная пропасть. Дочь с матерью никогда не могли найти общий язык, если речь шла о серьезном.

– Пойду проверю, как идет подготовка, – говорит в конце концов мать, кивая в сторону двери. Анна прикусывает губу. Ей не хочется оставаться одной, она боится своих мыслей, но и остановить мать не может.

Девушка медленно подходит к окну, откуда открывается великолепный вид на серо-голубое море и дюны, ветер треплет прибрежную траву. Роскошная вилла всего в двух километрах от Хиллсгордена. Что может быть лучше? Так говорила мама, очарованная местом, когда они попали сюда

впервые. Мысль о том, что Анна будет теперь здесь жить, что это – ее дом, ошеломляет, девушка с трудом может поверить в происходящее.

Приложив руку к стеклу, она чувствует, как холодок пробегаёт по коже. Ей представлялось, что, если только удастся дожить до этого момента, все наладится. Но, прислушавшись к себе, Анна понимает: душа по-прежнему сопротивляется.

Она осматривается вокруг: спальня отделана в синих и белых тонах, кровать застелена вязаным покрывалом, на комод кто-то поставил вазу с цветами. Очень красиво. Жаловаться не на что, и все равно ощущается отторжение. В потаенных уголках души ещё теплится надежда на чудо.

Тяжело дыша, Анна закрывает глаза и слышит материнский голос. *Не будь эгоисткой. Подумай о нас, твои решения нас тоже коснутся.*

Девушка сглатывает от волнения. Так много вопросов, на которые необходимо найти ответы. Она будто в эпицентре бури. Откуда ей знать, что правильно, а что – нет?

Выглянув в окно, Анна рассматривает вечнозеленые кусты, высаженные в саду вдоль стены, где-то в отдалении слышен едва уловимый шум прибрежных волн. Как бы ни было тяжело горе, которое она несет в себе, вида подавать нельзя. Окружающая действительность сжимается, не оставляя поля для маневра. Наступает осознание неизбежности происходящего, Анна глубоко вздыхает. Теперь ей ясно, что другого пути нет.

Осторожно отодвинув щеколды, она открывает окно. Холодный ноябрьский ветер, ворвавшись в комнату, треплет прическу, но девушка не обращает на это никакого внимания. Ей нужно услышать море, нужно вдохнуть его соленый запах.

– Прости, – шепчет она, чувствуя, как сердце пронзает боль. – Прости меня, любимый!

Глава 1

Апрель 2007 года

Ребекка в последний раз обходит просторную угловую квартиру, чтобы убедиться, что ничего не забыла. Лучи утреннего солнца будто прожектором освещают мягкий бархатистый ковер, журнальный столик из стекла и металла сверкает на свету.

Йуар стоит, прислонившись к кухонной столешнице, с чашкой утреннего эспresso в руках. На нем темно-серый итальянский костюм, сшитый на заказ, пиджак подчеркивает широкие плечи. Выглядит он, как обычно, одновременно стильно и строго, производя тем самым впечатление человека, которому все в этой жизни удалось, но он этим не кичится.

– Я по-прежнему считаю, что уезжать в такой момент – не лучшая идея. Тебе следовало бы остаться и показать руководителю, что он совершил ошибку. Твой отпуск сейчас – неправильное решение.

– Так ведь бабушка попала в больницу.

– Знаю, но медсестра же сказала тебе, что ее жизни ничего не угрожает. И потом, твоя мать могла бы присмотреть за ней, по крайней мере до выходных.

Ребекка качает головой:

– Я должна поехать. Ты же знаешь, что я сто лет не была

дома.

– Ладно, поступай, как знаешь. Но если ты сразу не выразишь свое мнение, потом их будет очень трудно переубедить.

– Знаю, – бормочет она в ответ.

Йуар потягивается:

– Ты ведь не обиделась, что я остаюсь?

– Да нет, ничего страшного. У тебя же процесс.

Облегченно вздохнув, он смотрит в зеркало в прихожей и поправляет жесткий воротник рубашки.

– Это самое серьезное дело в моей практике, – соглашается Йуар. – Но если что-нибудь случится – звони.

Ребекка кивает в ответ. Она, конечно, знала, что Йуар не сможет так внезапно взять отпуск, но все равно почувствовала укол разочарования. Он только раз ездил с ней домой в Хельсингборг, и тогда ему пришлось внезапно прервать поездку из-за кризиса на работе. Ребекка крутит на пальце кольцо, подаренное при помолвке. Она бы не отказалась, чтобы Йуар был рядом и поддержал ее, но понимала, что жизнь, которую они выбрали, этого не позволяет. Они оба много сделали для карьеры, и жених не может бросить все ради нее.

Стальная серая ручка дорожной сумки складывается со щелчком. Пора в путь, но Ребекка почему-то медлит. Когда Йуар, поставив чашку, направляется в ее сторону, ей хочется, чтобы он ее обнял на прощание. Но он лишь легонько

целует ее в лоб:

– Значит, через пару дней увидимся?

– Да, – отвечает она.

На вокзале полно народа, Ребекке приходится продвигаться к поезду, лавируя по перрону. Она так сосредоточена на своих мыслях, что, хоть и слышит людскую речь, слова не воспринимает. Когда к ней обращается рослый кондуктор в тесном жилете, Ребекка молча кивает и протягивает билет. Так и не поняв, что было сказано, девушка провожает его взглядом, пока он проходит по вагону. Поезд трогается и скользит сквозь город. Двигается вперед, рисуя замысловатый узор, и кондуктор раскачивается на поворотах, как дерево на ветру, хватаясь за спинки кресел, чтобы не упасть.

Только когда поезд выезжает за пределы Стокгольма, Ребекка может наконец расслабиться. Она прислоняется к оконному стеклу. Полночи сегодня промучилась бессонницей, ворочаясь на смятой простыне. В четыре утра встала, пошла на кухню и налила себе чашку чая. Сидела, окруженная темной бездной одиночества, и вглядывалась в немногочисленные окна, в которых горел свет.

Ребекке никак не выбросить из головы вчерашний разговор. Много лет она мечтала о должности старшего менеджера. Представляла себе эту карьерную перспективу каждый раз, когда приходила в офис рано утром или засиживалась допоздна. В очередной раз отказываясь из-за работы от ве-

черинки, поездки или ужина в приятной компании, Ребекка думала, что ее жертвы не пройдут даром и в один прекрасный день она станет самым молодым старшим менеджером в истории компании «Хеннинг и Шустер». Биргитта, стоящая во главе подразделения, обещала ей эту должность, так почему же назначили Маркуса?

Йуар полагает, что стоит попытаться оспорить это назначение, но Ребекка знает, что толка не будет. Генеральный директор ни за что не изменит своего решения. С тех пор как она указала на сильно завышенную, с ее точки зрения, стоимость нематериальных активов одного из крупнейших корпоративных клиентов их компании, Буман относится к Ребекке с подозрением. Ребекка имела в виду, что клиенту следовало бы провести амортизацию, но Буман предпочел не поднимать этот вопрос. Оглядываясь назад, она понимает, что ее комментарий выглядел как прямая критика руководства.

Состав набрал скорость и привычно постукивает по рельсам, Ребекка ритмично покачивается в кресле. Через проход сидят две женщины друг напротив друга. Одна – на вид ее ровесница – скорее всего, приходится дочерью второй; склонившись над столиком, дамы ведут доверительную беседу и смеются.

Ребекка вспоминает Камиллу – свою мать, с которой не виделась со времени последней поездки в Сконе¹. Вот уже

¹ Южная провинция Швеции, граничащая с Данией. – *Здесь и далее примечания*

четыре года, как они общаются исключительно по телефону. Короткие, поверхностные разговоры перед Рождеством или в очередной день рождения. И каждый разговор – тяжелый. Будто разговаривать им абсолютно не о чем, или они говорят на разных языках. Беседа получается натянутой и немногословной, лишний раз подчеркивая, как глубока разделяющая их пропасть.

Бордовый лак начинает скалываться, и Ребекка нервно сдирает его с ногтей. Надо ли было позвонить матери и рассказать о случившемся? Хотя, скорее всего, она и сама знает. Ей, наверное, тоже позвонили из социальной службы. Они, скорее всего, увидятся в больнице. Ведь не может же мама не навестить бабушку сейчас, когда ее госпитализировали?

На самом деле Ребекка привыкла регулярно общаться с бабушкой по телефону, но последние несколько недель не звонила, потому что ушла с головой в составление бизнес-плана крупного ИТ-проекта, и теперь мучается угрызениями совести. Бабушка всегда была опорой, Ребекка могла рассчитывать на ее поддержку при любых обстоятельствах. Конечно, надо было найти время и позвонить.

Пейзажи за окном быстро сменяют друг друга. Луга, озера, заводские поселки и хутора проносятся мимо в оконной раме, будто картины. Достав телефон, Ребекка колеблется. Вчера медсестра рассказала, что бабушке прооперировали руку после перелома и она приходит в себя после наркоза.

Голос медсестры звучал так нервно, что Ребекке не хотелось снова звонить и лишний раз беспокоить ее. Полагая, что бабушка все равно будет слишком слаба, чтобы общаться по телефону, она попросила медсестру передать, что скоро будет, но сейчас передумала. Очень хочется услышать вселяющий уверенность бабушкин голос, просто необходимо. Ребекка набирает номер, и в трубке раздаются короткие гудки.

Приблизительно пять часов спустя девушка прибывает на Центральный пересадочный узел в Хельсингборге. Она поднимается на первый этаж и оказывается в центре станции, где все вокруг находится в движении. С тех пор как Ребекка была здесь в последний раз, ничего не изменилось. Эскалатор с завидным постоянством движется вверх к паромному терминалу, по сторонам стоят все те же киоски с ярким вывесками и стойки со сладостями на развес, а сквозь большие стеклянные секции стен просвечивает порт.

Ребекка поднимается вверх по крутому взморью и идет к бетонной громадине лазарета, потом ориентируется по указателям, чтобы найти ортопедическое отделение. Перед красными дверьми тускло поблескивает выложенный светлой плиткой пол, стены выкрашены в пастельные тона, у входа стоит корзина с голубыми бахилами.

Дрожь пробегает по телу. Ребекка ненавидит больницы. Ее начинает тошнить уже от одной мысли о необходимости войти, но в конце концов она заставляет себя переступить

через порог.

В холле стоит аквариум с тропическими рыбками, снующими между водорослями и маленьким глиняным замком. После недолгого ожидания появляется медсестра с грубоватым лицом и предлагает проводить Ребекку к бабушке. Она тяжело шагает по коридору, сабо из белого пластика раздражающе скрипят под ее ногами.

Лежащая в постели бабушка кажется еще более хрупкой, чем Ребекка запомнила ее с последней встречи. На исхудалом лице под бледной кожей просвечивают сосуды. Внучка на мгновение замирает. Она не привыкла видеть бабушку в состоянии покоя. Анна всегда на ногах: то варенье варит, то большую готовку затеяла, то в саду возится. И обычно она выглядит ухоженной. Даже ранним утром ее седые волосы всегда изящно уложены, платье выглажено, губы накрашены. Похожая на тень фигура, лежащая на казенной простыне, кажется ей чужой.

– К вам посетитель, – громко говорит медсестра, и бабушка устало моргает.

– Что вы говорите? – бормочет она.

Легонько похлопав бабушку по плечу, сестра кивает в сторону Ребекки:

– К вам пришли.

Анна так рассеянno крутит головой, что внучка не уверена, узнает ли она ее.

– Привет, бабушка!

– Ребекка?

– Да, это я. Как ты себя чувствуешь? – спрашивает внучка, медленно подходя к постели.

Бабушка с неммым вопросом смотрит на медсестру.

– Она спрашивает, как ваше здоровье, – четко проговаривает та каждое слово.

– Я сломала руку.

– Как неудачно, бедная моя! – говорит Ребекка как можно громче. – Больно?

Бабушка кивает в ответ:

– На чем приехала?

– На поезде.

– В такую даль, из Стокгольма?

– Я слышала, что ты упала, и сразу примчалась.

– А я так ужасно выгляжу, – сетует бабушка, ощупывая здоровой рукой растрепавшиеся пряди.

– Ничего подобного. Ты очень красива.

Медсестра, покашливая, многозначительно смотрит на Ребекку:

– У вас еще пара минут. Потом ей нужен отдых.

– Да, конечно, спасибо.

Как только сестра исчезает в коридоре, Ребекка достает из сумки белую коробку.

– Я кое-что тебе привезла. Это венская нуга.

Взяв коробку конфет, бабушка слабо улыбается.

– Мои любимые. Спасибо! – говорит она.

– Мне нельзя долго у тебя оставаться, но я могу прийти завтра, – продолжает внучка. – Тебе ничего не надо привезти из дома?

Бабушка устало смотрит на нее. Ребекке не верится, что со времени их последней встречи она могла так сильно постареть. Конечно, во время разговоров по телефону Анна иногда казалась ей немного рассеянной, но Ребекка даже представить себе не могла, что она так ослабнет. Щеки впали, кожа вокруг глаз обвисла. Лежащая в постели женщина совсем не похожа на ее энергичную, полную жизни бабушку.

– Не думаю, – пробормотала в ответ старушка.

– Уверена? Я могу съездить к тебе домой, если нужно что-нибудь из одежды или гигиенических принадлежностей. И в магазин тоже могу сходить. Фрукты купить и хорошую книжку или газету с кроссвордами.

Кажется, Анна собирается с силами, и, когда поднимает глаза, взгляд обретает остроту.

– Ты можешь присмотреть за моим домом?

– Да, естественно. Что надо сделать?

Бабушка тянется за сумочкой, и Ребекка замечает закрепленный на тыльной стороне ладони катетер.

– Цветы сможешь поливать? – спрашивает старушка, протягивая ей связку ключей.

– Конечно.

Бабушка косится на дверь и жестом приглашает Ребекку подойти ближе.

– Они пытаются отнять его у меня.

– Что отнять?

– Дом, – громко шепчет бабушка, и кажется, будто каждое слово дается ей с трудом. – Ты должна стеречь его до моего возвращения.

– Не думаю, чтобы кто-нибудь пытался забрать у тебя дом.

– Они не смогут этого сделать, если ты будешь там жить, – продолжает бабушка, будто не расслышав ее.

Ребекка думает, что она не совсем в себе после операции, и кивает в знак согласия.

– Не беспокойся, я позабочусь о доме.

Честно говоря, Ребекка планировала остаться тут не дольше чем на пару ночей и уже забронировала номер в отеле у подножья холма с крепостью Кярнан, но, конечно же, она поживет в бабушкином доме, если ей так будет спокойнее.

Когда в палату возвращается бесцеремонная медсестра, бабушка прикладывает палец к губам, будто сказала что-то секретное.

– Как вы себя чувствуете? – отрывисто спрашивает грубоватая женщина.

Бабушка закрывает глаза, тонкие веки мелко подрагивают.

– Я устала.

– Ей необходимо отдохнуть, – подводит итог сестра.

Ребекка гладит бабушку по щеке.

– Ладно, тогда я пойду, – говорит она. – До завтра.

Кивнув на прощание, Ребекка кладет в карман бабушкину связку ключей и выходит в коридор. В регистратуре она уточняет, сколько еще времени бабушку продержат в больнице. Сидящая за стойкой медсестра отвечает, что бабушка сможет отправиться домой, как только окрепнет, и что обычно на это уходит около недели.

Это дольше, чем Ребекка рассчитывала находиться в Хельсингборге, но, если она нужна бабушке, вопрос можно уладить. У нее накопилось много неиспользованных отпускных дней; близкая подруга и коллега Нелли обещала взять на себя ее клиентов, если они вдруг обратятся за помощью, а ИТ-проект сдан на согласование, так что она в любом случае не сможет с ним работать, пока материалы не вернут назад. К тому же приятно будет до отъезда в Стокгольм убедиться, что бабушка пришла в норму и вернулась домой, а с учетом нынешней обстановки на работе Ребекке трудно себе представить, чтобы Биргитта возражала против небольшого продления отпуска.

Глава 2

Бабушкин дом расположен к югу от Хельсингборга, на холме, окруженном плакучими березами. Место называется Бьёркбаккен. На первый взгляд ничего не изменилось, но по мере приближения у Ребекки нарастает беспокойство.

Всегда ухоженный сад совсем одичал. То тут, то там возвышаются кочки пожелтевшей прошлогодней травы, дом окружают торчащие в разные стороны кусты. Ребекка замечает облетевшую черепицу и, подойдя ближе, видит, что на крыше крыльца отошел рубероид и доски под ним покрыты влажными пятнами. Она устало отставляет в сторону дорожную сумку. Как мог дом так обветшать всего за несколько лет?

Ребекка подходит к забору, который из-за отсутствия реек напоминает беззубый рот, и открывает покосившийся почтовый ящик. Крышка издает громкий скрип.

Стерев с пальцев ржавчину, девушка достает содержимое ящика и застывает на ведущей к крыльцу дорожке. А надо ли ей заходить внутрь? Дом выглядит таким ветхим, что создается впечатление, будто он в любой момент обрушится. Значит, поэтому бабушка попросила ее присмотреть за домом? Неужели она надеется, что Ребекка сможет спасти старый дом?

Краска на резных узорчатых наличниках, которыми так

гордилась бабушка, облупилась, на одной из встроенных скамеек лежит куча хлама. Ребекка осторожно поднимается на крыльцо, проверяя надежность половиц. Старое дерево стонет под ногами, но вроде бы выдерживает ее вес, Ребекка достает связку ключей, находит хорошо знакомый ключ и вставляет в замок. Дверь распахивается, и в нос ударяет спертый запах сырости.

Сделав глубокий вдох, Ребекка перешагивает через порог. В прихожей, как обычно, под полкой с головными уборами в ряд висят бабушкины пальто и плащи, но пол покрыт газетами. Не снимая обувь, девушка проходит в кухню, где ее встречает беспорядок. Кухонная столешница убрана, но в мойке свалена гора грязной фарфоровой посуды, на разделочной доске лежит полбуханки хлеба, завернутого в пленку, а между оконными рамами протянулась черная полоса издохлых мух.

Сняв с пальца кольцо, Ребекка кладет его в маленькую оловянную чашку, потом, засучив рукава, наполняет раковину теплой водой, добавляет моющее средство и начинает мыть посуду. Освободив раковину, она выбрасывает в мусорное ведро забытые в миске фрукты. Бананы стали коричневыми, а апельсины покрылись пятнами плесени — ясно, что они лежали здесь еще задолго до того, как бабушка попала в больницу.

Стул, на котором Анна обычно сидит за кухонным столом, не задвинут. Кажется, будто она только что за чем-то отошла:

на столе перед батареей пузырьков с лекарствами оставлены карандаш, кроссворд и очки для чтения.

В ее нынешнем состоянии бабушка совершенно точно не может жить здесь одна. Почему никто ей об этом не сообщил? Ребекка знает, что она указана в качестве контактного лица, но из социальной службы никто не звонил. Разве не должны они были связаться с ней, заметив, как одряхла бабушка?

Взяв наполовину полный кофейник, девушка выливает содержимое, споласкивает и заваривает свежий кофе. Если от неприятного запаха, царящего в доме, не избавиться, его можно, по крайней мере, перебить кофейным ароматом.

Холодильник почти пуст, не считая полбанки майонеза, горстки сморщенных морковок, засохшего кусочка сыра и бутылки смородинового напитка, а в кладовой лежит пачка макарон, немного хрустящих хлебцев, несколько консервных банок и три запылившиеся бутылки вина с завязанным вокруг горлышек атласными бантиками – подготовленные на подарки. Стоящие в глубине кладовой, они представляют собой печальное зрелище – этакий пережиток прошлого, оставшийся с тех пор, когда бабушку еще приглашали в гости.

На мгновение Ребекка задумалась, не надо ли припрятать бутылки с вином, но потом отвлеклась на другое. Почему у бабушки так мало еды? Раньше ее холодильник едва закрывался от припасов. Хватает ли ей готовой еды, которую

доставляет социальная служба? Ребекка вздыхает. Думала, нужно будет только поливать цветы герани, а теперь становится ясно, что бабушке действительно нужна ее помощь. Надо много всего успеть, и, конечно, проще ночевать здесь же. Правда, тогда придется сесть на автобус и вернуться в город за продуктами. И попытаться как-то согреться. В доме чуть ли не холоднее, чем снаружи.

Девушка осматривает камин в гостиной. Перед ним стоит корзина с дровами, Ребекка открывает дверцу камина и кладет пару дровишек поверх сухих сучьев и наполненной газетной бумагой картонки из-под молока – бабушкиного специального изобретения для розжига.

Огню требуется время, чтобы разгореться, и, пока он занимается, Ребекка обходит дом. Пол в гостиной заставлен всякими безделушками и наполовину заполненными коробками. Создается впечатление, будто бабушка проводила ревизию своих вещей и упаковывала их, но вдоль стен все еще возвышаются неразобранные стеллажи с книгами, а посреди комнаты стоит розовый велюровый диван. На нем обычно спала Ребекка, когда навещала бабушку в детстве. Она часто приезжала сюда на выходные. Этот дом был ее убежищем, здесь можно было заниматься всем, чем душе угодно: играть, печь, баловаться и объедаться домашней едой. Времени на нее бабушка никогда не жалела и считала, что Ребекка совсем не мешает. Несколько лет спустя, когда внучке стало плохо на душе и отношения с матерью испортились,

она переехала в Бьёркбаккен и поставила себе раскладушку в дальнем углу гостиной.

Маленькая спальня тоже захламлена. На кровати лежит куча одежды, картонные коробки поставлены одна на другую. Похоже, Анна начала собирать вещи и готовиться к переезду. Но если она собирается оставить дом, почему ничего не сказала внучке? Ребекка вспоминает прозвучавшие в больнице слова: дом пытаются отнять. Может быть, работники социальной службы сочли, что время пришло, и предложили бабушке переехать в дом престарелых? И поэтому везде стоят коробки?

Одна из коробок перекрывает проход в спальню, и Ребекка отставляет ее в сторону. Как бы там ни было, кому-то надо навести здесь порядок. Если бабушка хочет вернуться сюда после больницы, пусть возвращается. Дом можно немного подправить и приспособить к ее нынешним потребностям.

Девушка проводит пальцем по краю книжного стеллажа и смотрит на собравшуюся пыль. Она все равно будет здесь в ближайшие несколько дней, так почему бы не потрудиться и не привести дом в порядок? Ребекка всегда умела работать руками, и поставить на место пару облетевших черепиц не составит для нее никакого труда. Да и крышу на крыльце, наверное, не так сложно перекрыть. Раз уж она будет ночевать здесь, надо взять в аренду автомобиль, и тогда можно будет закупить материалы в строительном супермаркете и съездить пару раз на свалку. Но прежде всего здесь нужна

уборка. Дом надо хорошенько отмыть.

В отдалении слышен громкий стук, и Ребекка выглядывает в окно. По соседству – в нескольких сотнях метров от бабушкиного дома – расположен крестьянский хутор; Ребекка вспоминает его владелицу Герду, всегда дружившую с бабушкой. Может, соседке известно больше о том, что происходило в последнее время?

Соседское хозяйство имеет внушительные размеры: основательный дом начала прошлого века с застекленной верандой, новый коровник и старый сарай. Ребекка вспоминает, как ее вместе с бабушкой приглашали в гости к Герде. Запах свежее выпеченного хлеба, деревянные, натертые маслом полы, изразцовые печи и просторная кухня с чугунной дровяной плитой, на которую она помогала ставить чайник. Но что-то на хуторе не так. Не хватает прежнего уюта. В окнах не видно цветов и милых безделушек, а те керамические горшки, что стоят еще на широкой лестнице, зияют пустотой.

Со стороны сарая слышен металлический стук.

– Ау! – настороженно зовет Ребекка, но ответа не получает. Она идет на звук и, только зайдя за угол, замечает человека. Мужчина ее возраста стоит у капота огромного трактора и что-то завинчивает. Несмотря на прохладную погоду, он одет в джинсы и грязную белую футболку, обтягивающую спину. Кожа покрыта загаром, под рукавом футболки угады-

вается татуировка.

– Извините, – откашливается Ребекка.

– Да?

– Здравствуйте, – вежливо обращается к нему девушка. – Меня зовут Ребекка.

– Арвид. Вы проехали мимо съезда, – отвечает он, не поднимая глаз. – Надо вернуться на пару километров назад.

– Я никаких съездов не пропускала.

Повернув голову, Арвид смотрит на нее. Поймав на себе оценивающий взгляд, Ребекка понимает, насколько ее пиджак, юбка по колено и замшевые полуботинки на каблуках не соответствуют обстановке.

– Ладно. В таком случае покупать я ничего не собираюсь.

Когда собеседник вновь отводит взгляд в сторону, внутри вспыхивает раздражение. Почему он так грубо себя ведет? Ребекка делает еще один шаг вперед и повышает голос:

– Герда дома?

– Она переехала.

«Вот так всегда, – думает девушка. – Зачем Герда продала хутор такому грубияну?»

– Я внучка вашей соседки. Анны, той, что живет за холмом.

– Ах вот оно что. Тогда передай ей, чтобы лучше присматривала за своей кошкой.

– Какой еще кошкой?

Арвид со вздохом откладывает в сторону разводной ключ.

Лицо перепачкано машинным маслом. От его пристального взгляда будто что-то щекочет внутри, и Ребекке становится не по себе. Она с удивлением подавляет внезапное чувство. Нет, Арвид совсем не относится к типу мужчин, к которым ее обычно притягивает.

– За этим всклокоченным полосатым существом, которое здесь шляется. Она сводит с ума и меня, и Мэнди.

«Ага, – думает Ребекка. – Несносный и женатый. Мои поздравления, Мэнди».

– Хорошо, я подумаю, как с ней справиться. На самом деле я просто хотела поздороваться.

– Да, конечно. Могу продолжать или тебе мешает мой стук? А то, может, медитировать собралась или йогой какой-нибудь заниматься.

Ребекка изумленно смотрит на него. Она не понимает, откуда такая надменность.

– Да нет, совсем нет. Я сама собираюсь пошуметь в ближайшие несколько дней.

– Вот как? – усмехается он. – Эту развалюху ремонтировать надумала?

– А вам-то какое дело?

– Никакого. Просто меня достали горожане, которые мечтают обрести себя в романтике деревенской жизни.

– Что вы хотите этим сказать?

Арвид указывает на другие дома, расположенные в нескольких сотнях метров от них.

– Там затевали отель по типу «ночлег и завтрак». А вон там, – он машет в сторону опушки леса, – студию йоги, пожалуйста. Покупатели развели тут бурную деятельность. Все село решили привлечь. Ожидали, что мы будем всячески помогать: одалживать инструмент, подвозить материалы и ни в коем случае не шуметь рано утром. Потом, спустя несколько недель, они исчезли, не сказав ни единого слова.

– Жаль, что так вышло, – говорит Ребекка и поднимает брови, – но я приехала сюда, только чтобы помочь бабушке, она попала в больницу. Думала, будет не лишним зайти и представиться, но вижу, вы заняты.

– Вот именно, – отвечает Арвид, опять принимаясь стучать по трактору. – Так и есть. Я очень занят.

Ребекка долго не отрывает от него взгляд, но, так и не дождавшись продолжения, торопится к выходу.

Остаток вечера она посвящает обустройству своего временного жилища. Отменяет бронь в отеле, добирается на автобусе до города, арендует маленький красный «Фиат» и едет в большой торговый центр, чтобы закупить еду и все необходимое для уборки. Вернувшись домой, Ребекка находит одеяло и комплект чистого постельного белья; постелить решает на старом бабушкином диване. Несмотря на все хлопоты, она никак не может отделаться от мыслей о несносном соседе, которому достался хутор Герды. Кто дал ему право так себя вести? Ведь все, что она себе позволила – это зайти

и познакомиться.

Прежде чем вернуться в гостиную, Ребекка тщательно проверяет, заперта ли дверь. Похоже, бабушкин сосед – настоящий нелюдим, думает она и подбрасывает в камин пару поленьев перед тем, как лечь в холодную постель. Но менять свои планы Ребекка не намерена, каким бы желчным он ни был. Она отремонтирует дом во что бы то ни стало и успеет навести красоту и уют к бабушкиному возвращению. При удачном стечении обстоятельств, думает Ребекка, поморщившись, Арвида она больше никогда не увидит.

Глава 3

Ребекку будят солнечные лучи, струящиеся сквозь неплотно задернутые гардины. Она плохо спала ночью, несколько раз просыпалась от завывающего в щелях и дымоходе ветра и скребущих звуков. В какой-то момент решила, что по стенам бегают мыши, но успокоила себя, вспомнив, что фрукты и хлеб на кухне лежали нетронутыми.

Еще не совсем проснувшись, Ребекка садится в постели. Под утро температура в доме упала – чтобы дойти до кухни и включить кофеварку, девушка укутывается в одеяло. Как только она склоняется над столешницей и протягивает руку к хлебнице за купленной вчера буханкой хлеба для завтрака, на оконный карниз запрыгивает кошка. Так близко от нее, что Ребекка вздрагивает от неожиданности.

Господи, нельзя же так пугать.

Кошка смотрит на нее через стекло и громко мяукает. Полосатая серая шерсть промокла, и тельце кажется таким маленьким и тощим, что Ребекка начинает сомневаться, не котенок ли это.

– Чего ты хочешь? – бормочет она и вспоминает слова Арвида. Неужели бабушка завела кошку и ничего не сказала об этом? Так вот, значит, кто шумел ночью?

В самом дальнем углу кладовой обнаруживаются три баночки с кошачьей едой. Отворив входную дверь и выйдя на

крыльцо, Ребекка замечает, что из-под лестницы торчат две миски.

Спрыгнув с карниза, кошка осторожно подходит к ней.

– Проголодалась?

Кошка приближается к лестнице, и девушка быстро захлопывает входную дверь у себя за спиной.

– Ну уж нет, внутрь я тебя не пущу – нечего грязь разносить, – предупреждает она.

Кошка усаживается немного поодаль и равнодушно наблюдает, как Ребекка выкладывает содержимое баночки в одну из мисок. Только когда она, налив воду во вторую, возвращается в кухню, кошка осмеливается подойти к мискам – Ребекка видит в окно, как животное жадно заглатывает еду.

Съев легкий завтрак и быстро приняв душ, девушка решает приняться за уборку. Все выставленные вещи надо убрать в коробки: она внимательно подписывает, что где лежит, и ставит коробки одна на другую вдоль не заставленной мебелью стены.

Спустя три часа почти все вещи упакованы, и Ребекка достает старый бабушкин пылесос. Пылесосит все комнаты, решив оставить прихожую на потом – пусть пол там будет накрыт газетами. Затем вытряхивает ковры и протирает пол влажной тряпкой. Вода в ведре становится совершенно черной, так что пройтись тряпкой приходится несколько раз, пока не уходит вся въевшаяся грязь и в доме не начинает пахнуть моющим средством.

– Вот так, – говорит она, обращаясь к полосатой кошке, опять усевшейся на карниз. – Пожалуй, теперь здесь приятно находиться.

Кошка бросает на нее довольный взгляд и начинает мыть лапками мордочку.

Взяв охапку лежащей на кресле одежды, Ребекка относит ее в спальню. Она не ожидала, что так быстро управится с уборкой. Наверное, надо, не откладывая, приступить к ремонту. Можно начать сразу после визита к бабушке в больницу. Пока Ребекка надевает на плечики одежду, чтобы развесить потом в гардеробе, взгляд ее падает на стоящий в углу узкий книжный шкаф. Красивая вещь, выполненная из темного дерева, с резным орнаментом на дверце. Она помнит, что этот шкаф всегда будоражил ее любопытство, а бабушка держала его на замке. Но сейчас дверца открыта.

Девушка медленно подходит к шкафу и ощупывает ключ с бронзовым отливом – металл отдает холодом. Она задумывается, правильно ли будет заглянуть внутрь. Все-таки шкаф не заперт, и Ребекка всего-навсего помогает бабушке выбросить лишние вещи.

Петли пронзительно скрипят, когда она распахивает дверцы. На верхней полке лежит стопка сложенных льняных скатертей. Под ними – книги. Ребекка вынимает одну – зачитанный экземпляр романа Хемингуэя «Прощай, оружие». Он стоял между «Комнатой с видом» и «Унесенными ветром».

Девушка поглаживает мягкую обложку и невольно улыба-

ется. Бабушка всегда любила книги. Когда Ребекка была маленькой, они часто читали вместе. Она открывала для внучки новые миры: брала с собой в индийские джунгли из «Книги джунглей», в Страну Дальнюю из «Мио, мой Мио» и в фантастическую Нарнию. Анна рассуждала о книгах, как о бесценном сокровище, поэтому Ребекку ни капли не удивляет то, что особенно любимые экземпляры бабушка закрывала на ключ.

Опустив взгляд ниже, девушка замечает большую круглую картонку светло-голубого цвета в белую полосу. Вытаскивает ее на пол и поднимает крышку. Внутри находит старую ржавую жестяную банку с надписью «Бискотти», носовой платок и дневник в кожаном переплете. Осторожно пролистав дневник, Ребекка понимает, что его вели с мая по ноябрь 1943 года. Когда она открывает жестянку, оттуда выпадают пачка писем и фотокарточка.

Девушка подходит к окну, чтобы внимательно рассмотреть фотографию. На черно-белом крупнозернистом снимке изображен молодой человек. Он худощав и едва вышел из подросткового возраста, но одет в костюм в тонкую белую полосу и рубашку с остроконечным воротничком. Волосы зачесаны назад, молодой человек с гордым видом позирует перед фонтаном посреди площади.

Ребекка склоняется ближе к фотографии. Она не узнает ни места, ни молодого человека и задумывается, может ли это быть ее дедушка. Аксель умер еще до ее рождения, и Ре-

бекка видела всего один его фотопортрет, но вроде немного похож.

Засунув снимок в сумочку, она задвигает коробку обратно в шкаф. У Ребекки практически нет фотографий с родственниками. Она надеется, что бабушка сможет подтвердить личность изображенного на снимке мужчины.

В больнице кажется, будто время застыло и со вчерашнего посещения не прошло ни секунды. Бабушкина палата похожа на операционную, какой ее представляет себе Ребекка. Холодные белые стены, кровать на колесиках, чтобы легче было передвигать, за ней – стеновая панель со множеством кнопок и розеток. Стул для посетителей так и оставили у изголовья, а на прикроватном столике стоит стакан воды. Больше в палате ничего нет.

Круглая люстра распространяет резкий свет, бабушка лежит в той же позе, что и в прошлый раз, волосы растрепались по подушке, но Ребекке кажется, что сегодня она выглядит чуть бодрее.

– Привет, – здоровается внучка и ставит на столик коробку купленного по пути винограда. – Как ты себя чувствуешь?

– Получше.

– Это радует. Ночью удалось поспать?

Бабушка кивает в ответ, и Ребекка берет ее за руку.

– Я сделала в доме генеральную уборку. Все вещи, которые ты достала, упакованы в коробки. Еще я пропылесосила

и вымыла полы. Сама увидишь: там стало очень красиво!

– Спасибо, – слабым голосом отвечает бабушка.

– Посмотрим, что еще я успею до твоего возвращения. Может быть, даже дом заново покрашу.

– Ты очень добра ко мне.

– А как же? Для чего еще нужны внуки?

Ребекка присаживается на поставленный к изголовью стул. Она размышляет, не спросить ли, что произошло с Гердой, но боится расстроить бабушку и вместо этого достает фотографию.

– Кстати, вот что я нашла в шкафу, – говорит она, протягивая снимок. – Это дедушка?

Улыбка мгновенно исчезает с бабушкиного лица.

– Ты не знаешь его, – отрывисто отвечает она.

– Вот как, и кто же это? У тебя почти совсем нет фотографий, поэтому попавшийся на глаза снимок, естественно, возбудил мое любопытство.

– Никто, – повторяет бабушка, отталкивая фотографию. – Я не хочу о нем говорить.

Удивившись бабушкиной реакции, Ребекка убирает фотокарточку.

– Ну ладно, – смущенно продолжает она. – Утром у дома откуда ни возьмись появилась кошка. Твоя?

– Кошка ничейная, – устало отвечает Анна, но, к своему облегчению, внучка замечает тень улыбки в уголке ее рта.

– Но ты ведь прикармливаешь ее?

Бабушка кивает и умоляюще смотрит на Ребекку.

– Можешь кормить ее вместо меня до моего возвращения?

– Конечно. У нее есть имя?

– Я называю ее Скарлетт.

– Скарлетт. Подходящее имя для дикой кошки, – задумчиво отзывается Ребекка. – Кстати, я спросила медсестру: она считает, что ты сможешь вернуться домой где-то через неделю.

– Это хорошо.

– Обещаю, что к этому времени дом будет приведен в идеальное состояние, – с энтузиазмом продолжает Ребекка. – Как почувствуешь себя бодрее, обсудим, что из приспособлений потребуется, чтобы снизить риск новых травм. Я хочу сейчас съездить в строительный супермаркет и посмотреть такие ручки – знаешь, в ванной прикручивают? Ты ведь не будешь возражать?

Бабушка прикрывает глаза.

– Да нет, – бормочет она.

Ребекка молча смотрит на Анну. Она опять чувствует угрызения совести за то, что так редко приезжала домой. В последние годы она чрезвычайно много работала, но сейчас это не кажется ей достаточным оправданием.

Подступает зуд, и Ребекка начинает расчесывать кожу на руках. Нахлынули воспоминания: сколько раз бабушка спасала ее, когда она лежала, распластавшись, на чужом диване

или рыдала, запершись в туалете. Алкоголь притуплял чувства, но заставлял терять себя.

После бурных подростковых лет Ребекка не возлагала больших надежд на будущее, но при бабушкиной поддержке ей, несмотря ни на что, удалось взять себя в руки перед выпускным классом гимназии. Окончив школу, она наугад подала документы в несколько вузов и была приятно удивлена, когда ее зачислили на факультет экономики Стокгольмского университета. Сейчас, по прошествии времени, Ребекка понимает, как ей тогда повезло. Там раскрылась ее феноменальная способность работать с цифрами, и чем лучше у нее получалось, тем больший просыпался азарт. Окончив университет, она устроилась помощником менеджера в одну из самых уважаемых аудиторских компаний Швеции и, не раздумывая, полностью посвятила себя карьере.

Но Анна нуждалась в ее поддержке. Теперь Ребекка это видит. Ей следовало помогать бабушке так же, как та помогала Ребекке в самые беспросветные моменты, или, по крайней мере, найти время, чтобы чаще приезжать домой. Разговоров по телефону оказалось недостаточно. Бабушка уходит. От осознания этого факта у Ребекки перехватывает дыхание. Как ей привыкнуть к мысли о том, что бабушка не будет жить вечно? Притом что Анна всегда была такой сильной и служила ей опорой. Ребекка боится даже подумать, каково будет потерять ее. Она берет бабушку за здоровую руку и гладит ее. Пальцы кажутся такими хрупкими, будто вот-вот слома-

ются, и все равно от кожи исходит успокаивающее тепло.

Похоже, бабушка заснула – Ребекка встает, но в тот момент, когда она собирается тихо выскользнуть из комнаты, Анна открывает глаза.

– Его имя – Лúка, – чуть слышно произносит она. – Лúка Кавалли. Я знала его в молодости.

Ребекка придвигает стул еще ближе к кровати и садится снова. В их семье отсутствовала традиция говорить о прошлом, и о бабушкиной юности ей практически ничего не известно.

– Вы дружили?

– Да, можно и так сказать.

– А где вы с ним встретились?

Бабушка тянется к стоящему на прикроватном столике стакану воды – Ребекка протягивает его, чтобы она попила. Губы обветрены – у внучки мелькает мысль, что к следующему визиту надо купить бальзам.

– В Глумслёве, – отвечает Анна. – Мне тогда было девятнадцать.

– Почему ты никогда раньше не рассказывала о нем?

Бабушка на секунду умолкает.

– Потому что я поступила, как не следовало, совершила ужасный поступок и... – Кажется, она собирается что-то добавить, но осекается и трясущейся рукой трет лоб. – Не могу говорить об этом.

– Да не надо, конечно. Давай поговорим о чем-нибудь дру-

гом, – предлагает Ребекка, пытаясь придать голосу радостный тон, хотя бабушкино лицо все еще напряжено. Ей совсем не хотелось так взволновать Анну. – Хочешь, мы спланируем твоё возвращение? Какие продукты мне купить? Надо заполнить холодильник и морозилку.

Бабушка зажмуривается и напрягается всем телом. В какое-то мгновение кажется, будто она испытывает ужасную боль, но потом расслабляется. Голова падает на подушку, и Анна медленно выдыхает.

Ребекка не смеет пошевелиться и сидит неподвижно до тех пор, пока не замечает, что бабушка глубоко заснула. Тогда она поправляет одеяло и сверху накрывает пледом абрикосового цвета.

– Хороших тебе снов, – шепчет внучка и выходит из палаты.

Направляясь к взятой напрокат машине, Ребекка никак не может выбросить из головы фотографию молодого человека и пытается представить себе, как выглядела бабушка в девятнадцать лет. Внучка осознает, как мало знает о её жизни, но смутно припоминает бабушкины слова о том, что она родом из Стокгольма. И как же её тогда занесло в Сконе?

Много позже, вернувшись домой, Ребекка наливает себе стакан смородинового напитка с водой, садится за кухонный стол и достаёт ноутбук. Открывает окошко «Новое сообщение», пишет в графе адресат: «Биргитта» и застывает, глядя на пустое поле для текста. Ей, конечно, хочется написать,

что она считает себя подло обманутой. Это была ее ставка, а прежде, чем откроется новая вакансия старшего менеджера, пройдет еще не меньше года. Ребекка вздыхает. Ей бы очень хотелось узнать истинную причину, по которой ставку отдали Маркусу, но вместо этого она пишет, что пробудет в Сcone как минимум до конца недели. Ребекка напоминает также о прежней договоренности: Биргитта обещала сообщить, когда вернут бизнес-план ИТ-проекта после согласования.

Отправив письмо, девушка заходит в корпоративную почту компании и прочитывает несколько сообщений, но ей трудно сосредоточиться на их сути. Мысли упорно ускользают и приводят ее к черно-белому снимку и прочим тайнам, которые скрывает бабушкин книжный шкаф.

Спустя некоторое время Ребекка сдается, убирает ноутбук и выходит в сад, надеясь, что небольшая физическая нагрузка поможет переключиться на другие мысли, но, как бы она ни пыталась, фотография навязчиво возвращается. Она стоит у нее перед глазами, заставляя думать об улыбающемся молодом человеке. Отчего карточка Лúки так внезапно вывела бабушку из равновесия? И почему Анна хранила ее в книжном шкафу под замком?

Глава 4

Август 1943 года

Анна бежит по лугу, ступая по мокрой от утренней росы траве, и маленькие капельки воды, висящие на травинках, оседают на юбке. Солнце только что взошло, но его теплое сияние еще не успело прогреть сырой после ночной прохлады воздух.

Она пробегает через рощу, где деревья стоят неподвижно в рассветном полумраке. Надо бы остановиться и перевести дух, но Анна не хочет, чтобы ее догнали. Девушка не знает, куда направляется, и понимает лишь одно: она должна уйти, поэтому изо всех сил мчится по тропинке, не обращая внимания на стертые ноги. Коричневые кожаные сандалии не предназначены для таких марш-бросков, но Анна все равно не позволяет себе останавливаться. Она не сбавляет темпа, даже когда перебирается по специальной лесенке через колючую изгородь и цепляется платьем за торчащую жердь. Резким нетерпеливым движением девушка дергает за юбку так, что отрывается часть подола.

Овцы жмутся друг к другу, сбиваясь в кучки. Копошатся и толкаются, когда Анна пробегает мимо. В другой раз она бы задержалась ненадолго, чтобы поздороваться с ними, но сейчас думает только об одном и хочет одного: оказаться как можно дальше от Хиллесгордена.

Последний холм заканчивается крутым спуском, и Анна увеличивает темп. Наконец показалось море. Перед ней простирается необузданная и непредсказуемая стихия, которая, как защитный барьер, отделяет ее от охваченной войной Дании и остальной Европы.

Анна останавливается, только достигнув каменной осыпи, на которую выбегает так стремительно, что щебень, выскакивая из-под ног, падает вниз с обрыва, а сильный встречный ветер встает перед ней стеной. Девушка с испугом смотрит вниз с высокого скалистого утеса и хватается за дерево.

До земли далеко, и от вида каменных глыб внизу начинается головокружение. Сердце бешено стучится в груди, его удары отдают в голову.

Анна осторожно заносит ногу над обрывом. «Долго мучиться не придется», – думает она. Шаг вперед кажется ей ужасным, но потом, спустя несколько коротких мгновений, все закончится.

Девушка поднимает взгляд и устремляет его за горизонт. Далеко впереди на волнах качается рыбацкая лодка, над ней кружит чайка. Анна следит глазами за скользящей в небе птицей с широко раскрытыми крыльями. Медленно выдвигается вперед, еще ближе к краю. Теперь близко, так близко, что любой неосторожный шаг – и она внизу. Девушка решительно смотрит на камни. «Три секунды, не больше, – думает она. – Только не смотри вниз. Смотри на летящую птицу – она свободна».

Еще один порыв ветра, налетев, треплет подол юбки. Анна нервно сглатывает. Ее охватывает бесконечное отчаяние. Горе вонзилось в нее своими когтями, и нет другого способа от него избавиться. Отпустив ствол дерева, девушка раскачивается. Хочет выкрикнуть все, что причиняет боль, но вместо этого закрывает глаза.

В какое-то мгновение ей кажется, будто она в невесомости. Чувствует, как ветер, обьяв, поднимает ее. Руки распростерты ему навстречу, но тело сопротивляется. Надо заставить его двигаться вперед, ведь все сразу станет лучше, стоит только сделать шаг.

Анна решилась.

И в ту же секунду ее резко дергают за руку. Кто-то тянет назад с такой силой, что она теряет равновесие и падает на землю, ударяясь о камень. Анну трясет от испуга, и проходит пара мгновений прежде чем наступает осознание, что произошло. Она собиралась прыгнуть с утеса. Если бы ее не остановили, все бы уже закончилось.

Анна в шоке смотрит на свою расцарапанную щиколотку, на которой проступают маленькие пятна крови, потом глядит в сторону. Наискосок от нее стоит молодой человек. Поношенная рубашка заправлена в заплатанные рабочие брюки. Он поднимает вверх перепачканные руки.

– Прошу прощения, – говорит юноша, – просто барышня чуть не сорвалась вниз.

Анна не знает, как ей ответить. Увидев, что она пытается

подняться, он хочет помочь и протягивает руку, но она отказывается.

– Спасибо, сама справлюсь.

Парень кивает в ответ. На вид ее ровесник, копна густых темных волос и оливковый оттенок кожи.

– Простите, – повторяет он, не сводя с нее глаз. – Все в порядке?

– Да, – отрывисто отвечает она, отворачиваясь. – Пожалуйста, оставьте меня теперь в покое.

Молодой человек делает шаг назад, но не уходит, и голос его звучит уже по-другому:

– Я уйду только вместе с барышней.

– В этом нет необходимости. Я справлюсь.

– Не могу же я оставить вас здесь одну, – возражает он, пожимая плечами. – Вдруг опять оступитесь?

Анна заметила, что юноша говорит с забавным акцентом, и на секунду задумалась, откуда он может быть родом, но тут же отбросила эту мысль. Им обоим неловко от случившегося. Почему бы ему просто не убраться восвояси?

В конце концов девушка сдается, поворачивается спиной к морю и, прихрамывая, ковыляет вниз по склону холма. Молодой человек идет за ней следом, будто они составляют друг другу компанию.

– Как вас зовут? – интересуется он.

– Какая разница?

– Меня зовут Лúка Кавалли, – продолжает юноша. – Но

барышня может назвать меня просто Лúка.

Анна останавливается и делает глубокий вдох. Ей трудно понять, что именно дает ему основание полагать, будто они достаточно хорошо знакомы, чтобы обращаться друг к другу по имени, но потом ее осеняет: скорее всего, разумнее скрыть, к какой семье она принадлежит.

– Мое имя Анна, и я в порядке, так что можешь не следовать за мной по пятам.

Лúка изучающе смотрит на нее. Карие глаза светятся добротой, отросшая щетина тенью лежит на подбородке.

– Ты плакала, – замечает он. – Что тебя расстроило?

– Пожалуйста, – просит она, – уйди отсюда.

Но Лúка не уходит. Вместо этого кладет руку на ее плечо и не убирает, несмотря на всю неуместность такого жеста.

– Расскажи, из-за чего ты так несчастна, – спрашивает он.

Анна тяжело дышит. Этот юноша совсем ей незнаком, она не имеет ни малейшего понятия, кто он такой, но что-то в его манере держаться притупляет ее волнение. Так и не дождавшись ответа, Лúка доверительно склоняется к ней:

– Можно осмотреть твою рану?

Анна застывает в нерешительности. Она даже боится подумать, что бы было, если бы ее застали в компании чужого мужчины при таких обстоятельствах. Но в конце концов все-таки приподнимает юбку, а Лúка, положив руку под пятку, с осторожностью осматривает ее ногу.

– Заживет, все хорошо будет, – кивнув, обнадеживает он

девушку.

То ли из-за пережитого шока, то ли благодаря дружелюбному настрою незнакомца – Анна не знает отчего именно – на нее внезапно нахлынули сегодняшние события. Разговор с родителями, резкие слова. Лицо отца, когда он вышел из-за стола... Ее бросает в дрожь, и она отшатывается от незнакомца.

– Уверена, что тебе не нужна моя помощь? – переспрашивает Лúка. – Может, барышня голодна?

– Нет.

– Ну, конечно, голодна! – восклицает он. – Тебе необходимо перекусить. Еда всегда помогает.

Достав из кармана нарядно вышитый носовой платок, он разворачивает его – внутри лежат два куса лепешки.

– Пожалуйста, угощайся, – говорит Лúка, протягивая хлеб.

Анна растерянно озирается по сторонам. На самом деле аппетит отсутствует напрочь, но она боится, что юноша не отстанет, если отказаться, и поэтому нехотя берет у него из рук хлеб.

Отщипнув и засунув в рот небольшой кусочек, девушка замечает, что юноша пристально смотрит на нее. Вкус у лепешки непривычный.

– Узнаешь? – спрашивает юноша.

Анна мотает головой.

– Я не знаю, что это за вкус, – отвечает она, перестав же-

вать.

– Орегано. Мы сами его выращиваем. – Лúка убирает оставшийся хлеб в карман. – Пойдем, – говорит он, жестом приглашая ее в близлежащую рощу. – Я кое-что покажу тебе.

Анна колеблется. Ей ничего не известно о незнакомце, и совершенно точно нельзя с ним никуда идти, но тем не менее, как только юноша исчезает за деревьями, она следует за ним.

– Моя мама готовит суп из лепешек, – объясняет он, не останавливаясь. – Ты когда-нибудь пробовала итальянский хлебный суп? Туда по рецепту еще пармезан полагается, правда, его здесь не сыщешь. Мы пытались добавлять шведский сыр, но вкус не тот получается. Почти вся еда по карточкам, поэтому приходится проявлять кулинарную изобретательность.

Анна заметила, что юноша активно жестикулирует. Обычно она относится к незнакомым людям с недоверием, но почему-то складывается ощущение, будто они с Лúкой давно знакомы.

Он останавливается за большим дубом и зовет ее. Анна осторожно приближается. В просвете между деревьями совсем недалеко от них стоит косуля с щиплющим куст телянком.

– Они обычно приходят сюда по утрам, – шепчет Лúка. – Правда, красивые? Когда видишь бамбино косули, вся печаль уходит.

Девушка кивает. Она уверена, что косуля не излечит ее от печали, но Лúка так старается угодить, что ей почему-то не хочется его расстраивать.

Они прячутся за дубом, пока пасущиеся животные не исчезают из вида.

– Мне пора домой, – говорит Анна, потирая руку, за которую ее вовремя схватил Лúка. – Спасибо за хлеб.

– На здоровье. Я могу проводить тебя, если хочешь. Куда барышня путь держит?

– В Хиллесгорден.

– Ты работаешь там?

Анна качает головой и окидывает взглядом свою одежду. Юбка перепачкана грязью, чулки порваны, туфли измазаны глиной. Мама расвирепееет, если увидит ее такой.

– Нет, живу.

Что-то встрепенулось в глазах Лúки.

– Вот как? – промолвил он. – Понимаю.

– Мне лучше идти одной.

– Конечно.

Анна двигается нехотя и медленно. Поравнявшись с лугом, оборачивается, чтобы посмотреть, не остался ли Лúка стоять на месте, но юноша исчез.

На последнем участке пути начинает болеть поврежденная нога. Анна, прихрамывая, заходит во двор и прислоняется к стене дома. Родители лишили ее всего, а она, как маленький неразумный ребенок, не придумала ничего лучше,

чем убежать от них.

Украдкой пробравшись в свою комнату, девушка стягивает с себя одежду и ложится в постель. Лежит, уставившись на широкие карнизы орехового дерева, обрамляющие потолок. Анна ненавидит этот дом. Раньше семья каждое лето проводила в огромном мрачном родовом имении пару недель, не больше, а теперь ее заперли здесь на неопределенный срок. Пока идет война, в Стокгольм они не вернутся.

Девушку одолевает усталость, она закрывает глаза. В сознании яркими вспышками проносятся виды моря – волны неистово бьются о камни – волосы от этого встают дыбом, и Анну охватывает дрожь. Она думает об отце с матерью и чувствует, как подступают угрызения совести. Глупо отпра- вляться, разволновавшись, к такому опасному месту. А если бы и правда сорвалась с обрыва, что было бы с родителями?

Анна смахивает проступившую в уголке глаза слезинку. Мать всегда говорила, что она слишком вспыльчива и импульсивна, но девушка ничего не может поделать с обуревающими ее чувствами. Когда мысли вертятся в голове слишком быстро, кажется иногда, что еще немного, и она взорвется. Анна все лето ждала отъезда домой. Все, что дорого ее сердцу, осталось в Стокгольме. Друзей в Глумслёве у нее нет, а теперь еще и место на сестринских курсах потеряет. Хотя какая разница, если отец все равно говорит, что с такой работой ей никогда не справиться. «Эта профессия тебе не подходит», – сказал он за ужином как отрезал.

Девушка зажимает глаза. Она знает, что отец всегда считал ее ранимой и хрупкой. Полагал, что при столкновении с малейшими трудностями дочь сломается. А на фоне войны все только усугубилось. До начала военных действий Анну собирались отправить на языковые курсы во Флоренцию. Она должна была уехать после школьных экзаменов и жить у друзей семьи, в центре города, изучать итальянский и историю классической живописи – пойти по стопам брата. Но теперь эти планы отложены на неопределенный срок.

Анна сворачивается калачиком и кутается в одеяло. Если бы ей только дали шанс, она смогла бы доказать им, что в состоянии обеспечить себя сама. Так хочется заниматься чем-нибудь значимым, например ухаживать за ранеными, как Кэтрин Баркли в романе Хемингуэя «Прощай, оружие». Работая медицинской сестрой, Анна выполняла бы важную роль в обществе, и жизнь обрела бы смысл. Но, как бы ни хотелось ей, чтобы все устроилось, уже поздно. Занятия на сестринских курсах начнутся послезавтра, а она застряла тут, в пятистах километрах от столицы.

Глава 5

Апрель 2007 года

На укладку сдутой ветром черепицы уходит меньше времени, чем предполагала Ребекка, и, справившись с этой задачей, девушка обходит дом с инспекцией. Ощупав зеленые деревянные панели обшивки, сырости не находит, хотя краска начала местами осыпаться. Скорее всего, наружные стены надо ошкурить и перекрасить, но это придется оставить на более теплое время года. Окна, судя по их виду, тоже требуется привести в порядок: кажется, надо заново шпаклевать рамы.

Ребекка возвращается на крыльцо и отковыривает щепку от скамьи – та, похоже, сгнила. При всей своей любви к строительно-ремонтным работам девушка не уверена, что успеет все починить до возвращения в Стокгольм.

Она бережно приставляет лестницу к крыльцу, чтобы забраться и осмотреть его крышу. Старый потертый рубероид местами отходит. Ребекка осторожно просовывает под него пальцы, проверяя, не прогнили ли доски, но, несмотря на пятна сырости, древесина кажется плотной на ощупь, так что, наверное, можно обойтись заменой рубероида.

Девушка как раз собирается снять замеры с крыши, когда слышит голос за спиной. Покачнувшись, она на долю секунды теряет равновесие. Отчаянно вскидывает руки, хватается

ся за наличник и чудом удерживается на лестнице. Обернувшись, видит у калитки Арвида. Светлые волосы растрепаны, все та же грязная футболка облегает накачанное тело. Есть в нем что-то грубое, примитивное. Ребекка успевает подумывать, что он полная противоположность Йуару.

– Прости, – бормочет Арвид. – Не хотел напугать тебя.

– Ничего, – отвечает она так, будто ничего не произошло, а про себя гадает, что это вдруг ему могло понадобиться.

– Я хотел извиниться за вчерашнее. У меня был плохой день.

– Ничего страшного.

– Да, и, если тебе понадобится помощь, только скажи.

Ребекка бросает на него холодный взгляд. Это что же получается: он пытается произвести приятное впечатление?

– Скажу, обязательно.

Арвид задерживается на пару мучительных мгновений, потом разворачивается и уходит.

Ребекка не знает, что и подумать. Конечно, очень мило с его стороны предложить помощь, но насколько он искренен? Скорее всего, это женушка заставила его прийти и извиниться.

Визит Арвида выбил Ребекку из колеи. Отперев хозблок, она достает бабушкину косу и начинает расправляться с прошлогодней травой. Закончив, берет секатор и удаляет лишние побеги, подрезает растения, разросшиеся слишком близко от стен дома, и убирает прошлогодний клематис, кото-

рый сплел из своих длинных извивающихся ветвей сеть между розовыми кустами и фруктовыми деревьями. Чем больше девушка стрижет и режет, тем быстрее улучшается настроение. Эффект борьбы с сорняками близок к терапевтическому, будто она вычищает все, что ее разозлило.

Спустя час пот течет с Ребекки градом, но вид проступающего из-под зарослей сорняков сада приносит удовлетворение. Оказывается, бурьян скрывал грядки, клумбы, сделанные из ящиков, ягодные кусты и маленькую лужайку.

Когда она собрала выдранные сорняки в одну большую кучу, взгляд упал на кусты ежевики, поглотившие часть белого забора. Девушка ринулась было их стричь, поправив садовые перчатки на руках, но увидела, как кто-то приближается к дому на велосипеде. Ребекка замирает на ходу и чувствует, как учащается пульс.

Мама останавливается, только подъехав вплотную к забору.

– Значит, это правда? – произносит она. – Ты опять дома?

Ребекка не знает, что ответить. У нее перехватывает дыхание. Спазм сдавливает грудь так сильно, что каждый вздох дается с трудом. Ее застали врасплох, она еще не готова и отчаянно пытается вспомнить, когда они последний раз разговаривали, ищет, за что бы ухватиться. Может, они общались перед самым Рождеством? Вроде тогда она повредила голеностоп? Или это было колено?

– Да, – запинаясь, отвечает она. – Извини, я собиралась

позвонить, просто не успела.

– Ничего страшного. Я понимаю, что тебе здесь есть чем заняться, – продолжает мать, в ее голосе сквозит напряжение. Неужели тоже нервничает?

С момента их последней встречи седины у нее прибавилось, но волосы все так же практично подстрижены под пажа. Темно-синяя туника прикрывает хлопковые брюки того же тона.

– Может, зайдешь кофейку выпить? – нарушает в конце концов молчание Ребекка. – Я дома одна, – уточняет дочь. – Бабушка в больнице.

– Я слышала. Она сломала руку?

– Да.

– Ладно, – отвечает мать и закатывает велосипед через калитку в сад. – Чашечку кофе выпью с удовольствием.

Глава 6

Август 1943 года

Прежде чем войти в столовую, Анна прислушивается, чтобы убедиться, что отец уже позавтракал. У нее нет никакого желания с ним разговаривать. После громкого скандала она раздумывала, как ей добраться до Стокгольма. Но в голове один сумбур, и Анна не знает, справится ли с этой задачей самостоятельно. Может, отец правду говорит: она не вполне готова к взрослой жизни?

Мать сидит за столом и читает последний номер «Дамского мира». Анна кивком просит прислугу налить ей кофе и проскальзывает на свое место. На блюде лежат свежее испеченные пшеничные булочки, она начинает тщательно намазывать одну из них маслом, искоса поглядывая на мать.

Анна болезненно воспринимает то, что по-прежнему зависит от родителей. Может, ей просто надо упаковать в сумку самое необходимое и сесть на поезд до Стокгольма? Хотя она не уверена, что знает, как это сделать. Ездить на поезде одной ей не приходилось, и, если в семейных апартаментах на Эстермальме жить нельзя, куда податься? Денег нет – ни на жилье, ни на еду – и потом, Анна не представляет, как обеспечить себе и то и другое.

– Как твоя простуда? – интересуется монотонным голосом мать.

– Я здорова.

Ингрид изучающе смотрит на нее:

– Уверена? Мне показалось вчера, что ты переволновалась.

– Вот как? Это было заметно?

– Анна, – обращается к ней мать, откладывая в сторону газету. Несмотря на ранний час, темно-русые волосы уже убраны в элегантный узел, на ней любимая блузка с широкой проймой и крахмальным воротником, вокруг которого поблескивает жемчужное ожерелье. – Я понимаю, что тебе тяжело, но ты же знаешь, что отец желает тебе добра.

– Добра? Он хочет запереть меня здесь, в этом ужасном месте.

– Никто не хочет тебя запирать.

– Не хочет? Так почему же тогда мне не разрешают уехать отсюда? – спрашивает Анна, замечая, что повышает голос. – Ты же знаешь: отец обещал, что я смогу уехать домой, когда закончится лето, – говорит она, срываясь на крик, но потом стыдливо опускает глаза.

Ингрид разглаживает белую льняную скатерть:

– Как мы уже говорили, мы боимся отправлять тебя сейчас в Стокгольм. А что, если нападут русские? Знаешь, как они обходятся со своими политическими противниками?

– Но мы ведь не фашисты?

– Нет, конечно. Но ты прекрасно знаешь, что твой отец ведет торговлю с Германией.

– Здесь мы намного ближе к военным действиям, чем в Стокгольме, – протестует Анна.

– Да, но знакомые твоего отца утверждают, что немцы никогда не оккупируют Швецию. Они и так получают от нас все, что им требуется: их промышленность встанет без шведской руды.

– Откуда ты знаешь, что это – правда?

– Просто знаю, и все, – с нажимом отвечает мать.

Анна качает головой. Мать разбирается в политике немногим лучше нее самой. Она только повторяет то, что ей говорит отец.

– И что прикажешь мне теперь делать? Гимназию я уже окончила. Что же мне, сидеть, ничего не делая, в Хиллесгордене и ждать, когда закончится война? Она может продолжаться вечно.

– Душечка, – отвечает мать, притягивая к себе ее руку. – Все образуется. Куда тебе торопиться? Наслаждайся свободой. Придет время, будет у тебя семья, и не сможешь уже читать книжки дни напролет.

– Но я хочу получить образование, чтобы приносить пользу.

– Радость моя, я понимаю, но пользу можно приносить по-разному.

– Да, например, стать медицинской сестрой.

Мать морщит нос:

– Неужели ты действительно считаешь, что тебе понравит-

ся отмывать кровь, опорожнять утки и зашивать разорванные тела? Да ведь ты иголкой уколешься или в обморок упадешь. Отец правильно вчера говорил: к такой работе нужно иметь особую склонность. И потом, это изнурительный труд. Я уверена, есть много специальностей, где ты могла бы проявить себя лучше.

– Какие, например?

– Может быть, тебе поучиться заочно? – предлагает мать. – Выбрать интересные курсы? Хотя бы итальянский язык или историю искусств? Я знаю, ты не хочешь в школу домоводства, но в Лунде, между прочим, есть прекрасное заведение такого профиля.

– Нет, я хочу работать в медицине.

– Ну, зачем так упрямиться, Анна? – вздыхает Ингрид. – Не усложняй и без того сложную жизнь. Куда разумнее выбрать специальность, которая обеспечит тебе правильный круг общения. Старшая дочка Хедбергов устроилась секретарем директора банка в Мальмё. Маргарета говорит, она в полном восторге от работы. Слушай, ведь в Хермудсе² есть курсы секретарей?

Анна съеживается. Ей очень хочется возразить и объяснить, что вопреки мнению родителей она со многим справится, но по непонятной причине не может вымолвить ни единого слова.

² Hermods – одна из старейших частных компаний Швеции, предоставляющих услуги в сфере профессионального образования.

– Я закажу у них свежий каталог, – с энтузиазмом продолжает Ингрид. – Кстати, я еще кое о чем хотела с тобой поговорить.

– О чем же?

– Мы пригласили на ужин семью Рунстрём. – Мать умоляет, будто ожидая реакции Анны, но, не дождавшись, продолжает: – Ты же помнишь Акселя Рунстрёма? Вы так хорошо общались с ним раньше.

– Мы играли в крокет. В детстве.

– Ну да. Думаю, он уже тогда был влюблен в тебя.

– И что вы, матушка, хотите этим сказать?

– Да ничего особенного. Просто приятно будет вновь с ними увидеться. Элоиза написала, что Георг – помнишь, отец Акселя? – открывает бизнес в Америке. Похоже, они раздумывают, не поселиться ли им там на какое-то время. Вот ведь приключение! Я всегда мечтала посмотреть Нью-Йорк.

– Дай-ка попробую угадать, – произносит Анна, чувствуя, как внезапная злость придает ей новые силы. – Акселя в перспективе уготовлена должность руководителя этой компании, но Элоиза и Георг хотели бы, чтобы прежде он женился, создал семью.

Ингрид теребит ожерелье:

– Тебе должно бы льстить, что в связи с этим они думают о тебе.

– Матушка полагает, они позволяют мне самостоятельно выбрать подвенечное платье? В таком случае я выбираю са-

тин-дюшес с длинным шлейфом.

– Ну зачем так злиться? Никто не заставит тебя идти под венец против воли, – вздыхает мать. – Я знаю, что ты хочешь выйти из-под опеки и глотнуть самостоятельности, но мне бы так хотелось, чтобы ты выслушала меня. Когда-то я тоже была молоденькой мечтательной девушкой, но очень скоро осознала: большой мир не соответствует моим ожиданиям. Ничто в этой жизни не принесло мне большего счастья, чем роль матери и супруги. Я благодарна судьбе за то, что встретила твоего отца и смогла построить с ним совместную жизнь.

– Я никогда и не говорила, что не хочу замуж, но дайте мне вначале немного пожить для себя!

– Да пожалуйста. Ну что плохого, если ты вновь встретишься с Акселем? – продолжает Ингрид. – Как знать, может быть, встреча даже окажется приятной?

– О да, конечно, – бурчит себе под нос Анна. – Мне можно идти?

– Ты же почти ничего не ела, – обеспокоенно замечает мать. – Съешь еще яйцо.

– У меня аппетит пропал.

– Это все твоя простуда.

– Я не больна, – тихо отвечает Анна.

– Что ты сказала?

– Да так, ничего. Пойду в сад – почитаю.

– Конечно, – кивает Ингрид. – Только набрось что-нибудь

теплое. Может быть, спросим вечером у отца, нельзя ли нам сшить платье к ужину с Рунстрёмами.

– Сшить? А когда они придут-то?

– Только через пару недель, к сожалению. Они сейчас в Стокгольме.

– Где же им еще быть? – вздыхает Анна. – Все в Стокгольме, только меня там нет.

Анна удаляется в укромный угол сада, где стоит каменная скамья и начинается небольшая роща. Скамья расположена в стороне, ее не видно ни с веранды, ни из оранжереи, и девушку здесь обычно никто не беспокоит. Она открывает книгу, кладет на колени и углубляется в описание первой встречи главных героев – Кэтрин и Фредерика. Внезапно у нее за спиной раздается шорох листьев, и Анна оборачивается.

– Привет, – здоровается с ней Лúка, пробираясь между кустами. – Не испугал тебя?

– Нет, – настороженно отвечает Анна. Она удивлена: с чего это он вдруг решил, будто ей хочется видеть его вновь?

– Просто хотел убедиться, что ты благополучно добралась до дома, – объясняет он. – И что тебе лучше.

– Лучше, – коротко отвечает она.

Лúка улыбается и кивает в сторону книги.

– Что читаешь?

– «Прощай, оружие» Хемингуэя.

– Хемингуэй, – повторяет Лúка. – Он ведь из Штатов, да?

– Да, правильно.

– И о чем книжка?

– Об американце, который вступает добровольцем в ряды итальянской армии во время Великой войны. Он знакомится с английской медсестрой, и они... влюбляются друг в друга. – Анна чувствует, что краснеет, и опускает взгляд.

– Хорошо написана?

– Да, я уже читала ее. Может, хочешь прочесть? – предлагает она из вежливости, но в ту же секунду жалеет о сказанном.

– С удовольствием, – серьезным тоном отвечает молодой человек. – Я мало читаю на шведском, мне надо больше практиковаться.

Повисает молчание, Лúка чертит носком ботинка круг на гравийной дорожке. Он переоделся в рубашку понаряднее и начистил кожаные ботинки, хотя все равно видно, что они потертые. – Мне пора обратно. Надо косить ботву осеннего картофеля, – говорит юноша.

Анна колеблется. В каком-то смысле хорошо, если он уйдет. А то родители, увидев их вместе, запретят ей, чего доброго, выходить одной из дома. Но в то же время надо убедиться, что Лúка не разболтает никому о том, что произошло на утесе. Мало ли, слухи поползут по деревне? Ей и без того проблем хватает.

– Если, конечно, не захочешь составить мне компанию, –

продолжает он. – Я бы показал тебе лисью нору.

Их взгляды встречаются, и Анну охватывает дрожь. Как бы ни раздражала его прямота, что-то в Лúке притягивает ее. Но, конечно же, она не может пойти с ним. Это было бы совсем неприлично.

Пару долгих мгновений они смотрят друг на друга, пока из глубины сада не доносится громкий голос.

– Анна! – кричит Ингрид. – Где ты? Подойди ко мне, пожалуйста!

– Это мать, – говорит она и встает с места.

– Понимаю, тебе пора.

Анна бросает взгляд в сторону дома, потом с вызовом оборачивается к Лúке. Вспоминает обо всем, что случилось в последние дни: с какой легкостью родители нарушили обещание, оставив ее в деревне, и как на нее нахлынуло отчаяние там, на утесе. Вся жизнь перевернулась, а ее никто даже выслушать не готов. Мать с отцом не понимают, каково это, когда рушатся твои мечты. При таких обстоятельствах имеет же она по крайней мере право самой решать, с кем общаться?

– Я никогда не видела лисьей норы, – лукавит Анна. – Только нам надо поторопиться.

– Конечно, – отвечает с улыбкой Лúка.

Пока Анна идет следом за Лúкой в лес, ее переполняет совершенно особое чувство. Она знает, что не следует оставаться наедине с незнакомым мужчиной, но нарушение за-

прета дает ощущение свободы, а этого так не хватает. Вдобавок девушку забавляет мысль о том, в какой ужас пришла бы мать, увидев ее в *неподобающей* компании.

Густая листва сплетает над ними крышу. На ясном голубом небе светит солнце, и его лучи, просачиваясь сквозь листья, образуют на земле пятнистый узор. Лúка ведет Анну через лес к упавшему дереву.

– Вот, отсюда будет хорошо видно.

Присев на ствол, Анна смотрит в сторону маленького холмика, на который показывает юноша:

– Я ничего не вижу.

– Они еще не вышли, – объясняет он, присаживаясь на корточки рядом. – Надо подождать.

Лúка безотрывно смотрит на нору. Кажется, Анне раньше не приходилось встречать людей с такими темными кудрями. Блестящие непослушные волосы лежат густой копной, и девушка задумывается, какие они на ощупь. Потом вспоминает вчерашнее происшествие на краю обрыва.

– Мне надо кое-что сказать тебе, – бормочет она. – О вчерашнем происшествии на утесе.

– Когда ты чуть не сорвалась, – заканчивает он фразу.

– Да. Но это моя ошибка. Я переволновалась, проявила неосторожность и оказалась слишком близко к краю обрыва. Буду признательна, если ты никому не расскажешь об этом.

Глянув искоса на Анну, Лúка прикладывает палец к губам:

– Можешь на меня положиться, буду молчать.

– Спасибо, – благодарит его девушка и думает, что теперь вопрос решен и ей больше не обязательно встречаться с Лúкой.

Он поднимает руку, и Анна следует взглядом за его пальцами.

– Посмотри, – шепчет он. – Вон они.

Наклонившись ближе, Анна видит, как из дыры в земле выскакивают три лисенка. Серые пушистые комочки с белыми кончиками хвостов игриво толкают друг друга.

– Совсем крошечные, – говорит она.

– В Италии мы называем их «вольпе»³. Очень похоже на шведское слово «валып»⁴ – щенок.

– «Вольпе», – повторяет за ним Анна. – Я всегда мечтала выучить итальянский.

– Красивый язык, – одобрительно соглашается Лúка. – Если захочешь, я с удовольствием научу тебя.

Анна улыбается. Какая нелепица. Чтобы какой-то работяга давал ей уроки итальянского?

– А можно спросить, почему ты покинул родину? Кажется, Италия – замечательная страна! В этом романе они живут в такой милой горной деревушке.

– Это долгая история.

– Я не тороплюсь, – уверяет его она. – Чем дольше мне

³ Una volpe (ит.).

⁴ Valp (швед.).

удастся избежать общества матери, тем лучше.

Лу́ка смеется, но на глаза ложится тень.

– Мой отец – его звали Маттео – был журналистом. Он писал о коррупции в нашей стране. Папа всегда говорил, что всех лидеров надо контролировать, потому что ни один человек, облеченный властью, не избежит морального разложения. Рано или поздно все они теряют совесть.

Анна ждет продолжения, но Лу́ка молчит, и в конце концов ее терпение заканчивается.

– С ним что-то случилось? – тихо спрашивает она.

– Его расстреляли люди Муссолини. Пять лет прошло с тех пор, – говорит Лу́ка, опустив взгляд. – А кажется, будто было вчера.

– Это ужасно.

– Поэтому мы и приехали сюда, – кивает он. – Папа был знаком с сотрудником Шведского института в Риме. Он рассказывал, что Швеция – хорошая страна с социалистическим укладом. Что здесь можно доверять людям и, если много трудиться, нам позволят остаться. Мы с мамой и младшей сестрой Франческой хотели уехать как можно дальше от фашистов, – добавляет он.

– Значит, ты здесь с семьей?

– Да, – улыбается он.

Анна поворачивается лицом к солнцу. Как бы ни была печальна история, только что рассказанная Лу́кой, она рада, что юноша поделился с ней. Анна привыкла, что ее отго-

раживают от действительности. Поскольку родители всегда чрезмерно оберегали дочь, она достаточно рано научилась тайком брать у отца газеты и читать их, если хотела узнать правду о том, что происходит в мире.

– Теперь твоя очередь, – объявляет Лúка. – Рассказывай, из-за чего ты так расстроилась.

– Трудно объяснить.

– Я не тороплюсь, – передразнивает он девушку.

Анна пристально рассматривает еловую шишку под ногами.

– Думаю, из-за того, что все сложилось не так, как я надеялась.

– Вот как. И на что же ты надеялась?

– Вернуться домой, в Стокгольм. Обычно мы приезжаем в Хиллесгорден только на лето, но теперь мои родители решили остаться здесь до конца войны. Они полагают, что в Сконе жить безопаснее.

– Тебе здесь не нравится?

– Все мои друзья остались в Стокгольме, – начинает заводится Анна. – Я здесь практически никого не знаю. А еще меня зачислили на курсы медсестер. Я хочу работать, помогая другим.

– Как героиня той книги, – замечает Лúка с улыбкой на лице. – По-моему, прекрасная идея.

– Мои родители думают иначе, – вздыхает Анна.

Лúка берет палку и начинает чертить ею по земле.

– Я тоже хочу получить образование. Хочу изучать политологию и стать журналистом, как отец.

– И почему ты не учишься?

– Не могу же я бросить маму с Франческой. Я батрачу на здешних хуторах, живем на мои заработки, и они не справятся одни, если я уеду. Да и мой шведский пока оставляет желать лучшего.

У Анны от волнения перехватывает горло. Непонятно почему, но внезапно ей захотелось рассказать Лúке обо всем.

– Думаю, отец предпочел бы, чтобы я вышла замуж. Он считает, что женщины – по крайней мере, в его семье, – вообще не должны работать.

– Похоже, мы оба с тобой в ловушке – каждый в своей.

– Похоже, что так.

Подцепив палкой упавший лист, Лúка отшвыривает его в сторону.

– А чем занимается твой отец? – интересуется он.

Анна выпрямляет спину. Зачем ему это? Сразу приходит осознание, насколько непристойна вся их беседа. Она не знает Лúку, а даже если бы и знала, девушке не подобает находиться наедине с молодым человеком среди леса.

– Мне пора, а то мать позвонит в полицию, и меня начнут искать, – говорит Анна, поднимаясь.

Лúка понимающе улыбается, и на его золотисто-смуглой коже проступают ямочки.

– Если опять захочешь смыться из дома, я найду еще зве-

рюшек, чтобы показать тебе.

– Спасибо, буду иметь в виду.

По пути домой Анна клянет себя за откровенность. Не надо было рассказывать незнакомцу о своей семье, но Лúка так расположил ее, что захотелось открыться. Он кажется таким добрым и бесхитростным – совсем не похож на молодых людей, с которыми она привыкла общаться. Они никогда ничего не делают от чистого сердца.

Анна вспоминает свою лучшую подругу Сив, и все сжимается внутри от тоски по дому. Та посмеялась бы от души, узнав, что она пошла за батраком в лес посмотреть на лисью нору. Ведь Сив считает, что, если у парня нет студенческой фуражки, он не достоин того, чтобы с ним танцевали. Как бы Анне ни было приятно общество Лúки, они с ним из разных миров.

Она пинает камешек, который пару раз отскакивает от дорожки и исчезает в высокой траве. Единственный плюс деревенской жизни – это то, что мать с отцом не очень беспокоятся о том, что она делает днем. Здесь у нее больше свободы, чем дома, в Стокгольме: ей разрешают гулять по взморью и ездить на велосипеде в Хельсингборг, когда захочется. Пока она прилежно учится, готовится к урокам игры на фортепиано, вовремя приходит на занятия танцами и возвращается домой к ужину, они ее не трогают, и Анна разумно полагает, что эту свободу надо ценить. Но в то же время ей кажется, будто пока она живет в Сконе, жизнь проходит мимо.

Родительские слова о том, что она не сможет стать медсестрой, застряли в сознании и постоянно гложут – Анна думает, как переубедить мать с отцом. Ничего скучнее работы секретаря представить себе невозможно. С тех пор как в газете ей попалась статья о солдате, лишившемся обеих ног, девушку переполняет страстное желание помогать другим. Если бы только она могла быть рядом и держать беднягу за руку, ситуация, в которой он оказался, стала бы чуть менее ужасной. С какой это стати, скажите на милость, Анна должна работать на какого-там директора, когда у нее есть реальная возможность помогать людям, заботясь о больных и раненых?

Впереди в отдалении возвышается имение. Оно спрятано в тени деревьев, и от этого кирпичные стены выглядят мрачными, несмотря на разливающийся вокруг солнечный свет. Огораживающая переднюю часть сада стена заросла хмелем и фаллопией, дорожка к дому вымощена большими каменными плитами с неровными углами. Дом выглядит старомодно, словно реликвия ушедшей эпохи.

Анна чувствует, как что-то сжимается в груди. Каждый раз, когда она подходит к Хиллесгордену, кажется, будто на шею накидывают аркан. В этом доме душно, Анне претит находиться так далеко от всего, что ей дорого. Но как заставить родителей понять это? Отец любит старое родовое поместье. Дома, в городской квартире, у него даже есть фотография имения в рамке.

Девушка вздыхает. Долго она здесь не выдержит. Как угодно, но ей надо вернуться в Стокгольм. Только вот как?

Глава 7

Апрель 2007 года

Мать Ребекки усаживается на высокий табурет у кухонного стола и сцепляет руки замком прямо перед собой. Сосредоточенный вид матери заставляет девушку нервничать, она возится с мерной ложкой для кофе и рассыпает порошок, при этом не переставая болтать обо всем подряд. Ты знала, что Герда продала свое имение? Там поселилась молодая пара. Я только хозяйина видела, но он показался мне не очень-то любезным. А еще бабушка завела кошку – вот уж никогда бы не подумала, что она на такое способна. Кстати, похоже, что автобусы теперь ходят сюда реже. Я сто лет прождала.

Продолжая говорить, Ребекка достает и ставит на стол две кофейные чашки и пачку крекеров, но маминого взгляда избегает. В конце концов она не находит новых тем для разговора и присаживается напротив матери.

– Значит, тебе наконец дали отпуск на работе?

Материнский голос звучит строго, поэтому Ребекка в ответ лишь кивает. Удобная ложь для них обеих: мол, дочь редко приезжает в Сконе потому, что без нее никак не могут обойтись на работе.

– Да, бабушке очень нужна была помощь. Мне кажется, ей уже трудно справляться одной.

– Этот дом совершенно не приспособлен для старого че-

ловека, — замечает Камилла, оглядываясь вокруг.

— Да, и это еще при том, что я попыталась убрать.

Мать кивает:

— С Йуаром все в порядке?

Ребекка косится на оловянную чашку, в которую положила подаренное им при помолвке кольцо, чтобы не повредить, пока будет заниматься ремонтом и уборкой. Будь у них с матерью нормальные отношения, она бы, наверное, с радостью показала его.

— Да, все хорошо.

— Но он не смог приехать с тобой из-за работы?

Ребекка с трудом сдерживает вздох. Мать виделась с Йуаром всего один раз четыре года назад, и то знакомство точно нельзя назвать удачным. Они встретились в ресторане «Кладовая Ульсона» на Мариаторъет в Хельсингборге, чтобы пообедать вместе, но его вызвали по работе еще до того, как подали еду. Полиция задержала одного из важнейших клиентов конторы, где он работал, и Йуару пришлось срочно умчаться на поезде в Стокгольм. С маминой точки зрения, этот эпизод стал лишь еще одним доказательством того, что Йуар Ребекке не подходит, и с тех пор дочь чувствовала себя обязанной защищать их отношения перед ней.

— Нет, он готовится к важному процессу, но очень хочет приехать сюда снова.

Кофеварка пыхтит, возвещая, что кофе готов, и Ребекка спешит снять кофейник. Не спуская глаз с чашки, она сосре-

дотоечно налиает Камилле дымящийся напиток, пока вокруг клубятся маленькие завитки пара.

– А как твоя работа – по-прежнему нравится?

– Да, – быстро отвечает дочь, – очень.

– Несмотря на то что приходится так вкалывать?

На Ребекку давит жесткость в голосе Камиллы, и она нервничает. Ее настигают подростковые воспоминания: сколько раз дочь пыталась тогда достучаться до матери? Ребекка нуждалась в помощи, чтобы справиться с вызовами окружающей ее действительности, а мать вместо этого выдвигала ей требования и ставила под сомнение каждый шаг дочери. Как хочется выкрикнуть, что мать не заслужила право комментировать ее жизнь! Но она только вжимается в стул. Начинает покалывать кожу над запястьем, и по всей внутренней стороне руки растекается зуд. Ребекка одергивает рукав рубашки и незаметно чешет руку.

– Да. Кстати, когда собираешься навестить бабушку?

Камилла стискивает в руках чашку и качает головой.

– Ты же знаешь, что ничего хорошего из этого не выйдет. Только опять разругаемся, – добавляет она.

– Неужели ты все еще злишься на нее? Чем она провинилась – тем, что мне помогала?

– Нет, все намного сложнее, – говорит Камилла, смахивая с брюк невидимую пылинку.

– Ты сама выбираешь, как к ней относиться, но могла бы уже и простить, – бормочет Ребекка, продолжая скрести ру-

ку через ткань рубашки. Она так многое хотела бы высказать матери, так много накопилось внутри, но сформулировать свои мысли трудно. — Радовалась бы лучше, что мне было куда податься, когда становилось совсем невмоготу. Было к кому обратиться.

— Ребекка... — укоризненно произносит мать.

— А что, собственно? Ты считаешь нормальным не навещать свою собственную мать, когда та попала в больницу?

Камилла встает.

— Спасибо за кофе, — произносит она, натужно улыбаясь. — Рада была повидать тебя. Если захочешь еще встретиться до отъезда, всегда можешь зайти. Мои двери для тебя открыты.

Она выходит в сад и берет велосипед. Привычным движением складывает подножку, с силой нажимает педаль, не присев на седло, и уезжает прочь.

Когда мать скрывается из вида, девушка сдергивает с себя рубашку и яростно расчесывает зудящую кожу. Она расцарапывает шрамы, скребет, пока не появляются красные отметины, но вспыхнувшее в душе беспокойство от этого не затихает. Что бы Ребекка ни делала, встреча с матерью всегда заканчивается поражением. Кажется, любой их разговор перерастает в конфликт. А ведь Ребекке страстно хочется наладить отношения, чтобы мать научилась видеть в ней не только одни недостатки. Никто, кроме Камиллы, не может заставить ее почувствовать себя такой маленькой и уязвимой.

Девушка закрывает лицо руками. Вспоминает тот день в

одном из средних классов, когда она пришла домой из школы, неся свой новый дутый пуховик в полиэтиленовом пакете. Два парня из класса засунули его в унитаз, и ей пришлось опустить руку в грязную жижу, чтобы вытащить обновку. Ребекка не могла объяснить матери, что произошло, как бы ей этого ни хотелось. Рассказывать было слишком унижительно. И все равно она надеялась: мать поймет, что пуховик испорчен не по ее вине, заметит, как расстроилась Ребекка, обнимет и утешит дочь. Но, увидев промокшую насквозь куртку в мешке, мама взорвалась от злости и закричала, что с вещами надо обращаться осторожно, куртки стоят дорого и на новую денег не хватит.

Терзаясь воспоминаниями, Ребекка подходит к кладовой, достает бутылку вина, ставит на кухонную столешницу и долго рассматривает. Знает прекрасно, что пить не надо, но в ней ноет потребность приглушить разливающуюся тревогу, и потом, разве может навредить один маленький стаканчик? В конце концов она срывает бант, откупоривает бутылку и наполняет кофейную чашку вином. Пьет жадными глотками, стараясь смыть тревогу, но ничего не выходит.

Спустя столько лет Ребекке по-прежнему трудно выстроить отношения с матерью. Ну как такое возможно? Разве она недостаточно взрослая, чтобы пренебречь тем, что было? Ребекка совсем не хочет застревать в прошлом, при каждой новой встрече становясь заложницей своих чувств.

Прихватив с собой кружку, девушка собирается сесть за

стол, как вдруг в окне показывается кошка. С громким мяуканьем она прижимается к оконному стеклу. К своему удивлению, девушка рада ее возвращению. Она достает баночку с кошачьей едой, выходит на лестницу и наполняет миску. Потом садится на корточки и осторожно протягивает руку.

– Привет, – говорит она. – Значит, ты – Скарлетт?

Кошка обходит Ребекку по кругу, не встречаясь с ней взглядом и держась на безопасном расстоянии, так что погладить ее не удастся. В конце концов Скарлетт приближается к миске и берет первый кусочек корма.

– Понимаю, – замечает Ребекка. – Ты не доверяешь людям. Похоже, тебе тоже пришлось через многое пройти.

Она медленно поднимается, чтобы не спугнуть Скарлетт, и возвращается в дом. На столике в прихожей лежит ее мобильный. Ребекка несколько раз за день набирала номер Йуара – он не отвечает, поэтому, вместо того чтобы повторять попытку, она открывает почтовое приложение. Сердце тяжело бьется, пока крутится колесико и подгружаются новые сообщения. Когда почтовый ящик обновился, девушка видит, что Биргитта тоже ей ничего не написала. Она разочарованно откладывает телефон в сторону. О том, что Йуар занят, ей известно, но начальница-то почему не отвечает? Уж не хочет ли компания, воспользовавшись ситуацией, избавиться от нее?

Ребекку захлестывает волна стыда. Она так боролась за то, чтобы идти своим путем, а теперь сомневается, правильный

ли сделала выбор. Может быть, глупо было полностью посвящать себя работе? Совершенно очевидно, что Ребекка не так важна компании, как компания для Ребекки. Она устало трет глаза. На сегодня с нее хватит. Пора сделать перерыв.

Найденная фотография вновь притягивает ее мысли, девушка выходит в прихожую и достает карточку из кармана куртки. Потом идет в бабушкину спальню за полосатой картонкой, возвращается, ставит ее на кухонную столешницу и с чувством благоговения поднимает крышку.

Бумага шуршит от прикосновения, когда Ребекка достает пачку писем, перетянутых синей бархатной лентой, и развязывает элегантный бант.

Письма датированы 1943 годом, подписаны некой Сив и адресованы бабушке Ребекки. Похоже, она жила тогда в каком-то Хиллсгордене, расположенном в Глумслёве, – это местечко в нескольких десятках километров к югу от Хельсингборга.

Ребекка быстро просматривает письмо, написанное в июле. Сив рассказывает, что проводит дни, плавая на озере Меларен и навещая тетушку Рут в Стрэнгнесе, а в завершение пишет, что очень скучает по Анне. Тон письма до смешного формален, хотя они, похоже, дружили.

Ребекка улыбается. Очень увлекательно заглянуть в бабушкино прошлое и попытаться понять, каким человеком она была в молодости. Сив описывает все, чем она хочет заняться с Анной, когда та вернется домой: ходить вместе на

танцы и в кинотеатр «Сага» на Кунгсгатан, есть пирожные в «Кондитерской Сундбергов».

Девушка перебирает конверты и находит наконец одно письмо, написанное бабушкой. Оно адресовано Сив, но дата не указана, и письмо внезапно обрывается в середине предложения. Ребекка медленно разбирает витиеватый почерк.

Любезная Сив, мой самый дорогой друг!

Я вынуждена просить тебя о большом одолжении. Поскольку я подчиняюсь воле матери, все случившееся в последние недели нужно забыть. Прошу тебя не распространяться о рассказанном мною и уничтожить мои письма. Следов случившегося остаться не должно. С учетом обстоятельств ты, конечно же, понимаешь, насколько это щекотливый вопрос, поэтому, пожалуйста, не говори никому о...

Ребекка уставилась на лист бумаги. За последним словом стояла жирная клякса, будто бабушку резко оторвали от письма.

Девушка откидывается на спинку стула; ей никогда в жизни не представить себе, что за страшная тайна заставила бабушку просить Сив уничтожить письма.

Она осторожно берет в руки фотокарточку и внимательно рассматривает ее, потом убирает обратно в жестяную коробку из-под печенья бискотти. Жестянка старая, с царапинами и пятнами ржавчины вдоль краев. На ней есть вмятины, и

синяя краска кое-где откололась, но все равно выглядит красиво. Лúка Кавалли – похоже, итальянское имя. Интересно, может, он как-то связан с этой жестянкой?

Немного поколебавшись, Ребекка открывает дневник и еще раз смотрит на даты. Думает, что могло быть общего у Швеции и Италии во время Второй мировой войны. По словам Анны, она встретила Лúку в молодости, и внучка пытается высчитать, когда бабушка вышла замуж за дедушку. Ее мать родилась в июне 1944 года, значит, с Лúкой она познакомилась до замужества. Ребекка пытается поискать информацию о нем в интернете, открыв свой ноутбук. Вбивает сочетание: «Лúка Кавалли» и «1943 год», но результатов слишком много – все не просмотреть.

Девушка аккуратно перелистывает тонкие страницы дневника. Можно ли прочитать бабушкины записи? Она почти ничего не знает про историю своей семьи, да и бабушкина реакция вызвала у нее любопытство. Если Лúка итальянец, тогда где и как они встретились и почему бабушка так разволновалась, увидев его фотокарточку?

Ребекка достает белый носовой платок с голубой каймой и ощупывает мягкую ткань. Перевернув его, замечает монограмму. Под волнистой голубой линией красуются три буквы: ЭТР.

Сочетание букв кажется знакомым, но Ребекке не удастся вспомнить, где оно ей попадалось. В интернете она находит статью об «Электротоварах Рунстрёма» – предприятию, ос-

нованном в 1920-е годы, а в 1967 году приобретенном международным концерном. Девушка вновь смотрит на носовой платок. ЭТР. Что-то отзывается в отдаленных закоулках памяти, но, как бы Ребекка ни старалась, она не может понять, где раньше слышала это название.

Глава 8

Сентябрь 1943 года

Анна едет на велосипеде по улице Сёдергатан в Хельсингборге. В корзине лежит стопка книг, только что купленных в книжном магазине Чильберга на площади Стурторьет; девушку пьянит ощущение свободы, пока ее красный «кресцент» мчится вперед, подскакивая на булыжниках мостовой.

День пасмурный. С моря дует холодный ветер, и Анна радуется, что поверх платья надела вязаный свитер. На площади Густава Адольфа собрался народ – она с любопытством поглядывает в их сторону.

Когда перед ней внезапно появился Лúка, девушку качнуло, и она наткнулась на бордюр. Велосипед кренится, и Анна чуть не падает. Лúка стремглав бросается к ней, успев схватить руль.

– Все хорошо?

– Да, нормально, – смущенно бормочет она.

Лúка с улыбкой кивает на корзинку:

– Новые книги?

– Да, я дочитала Хемингуэя.

– «Комната с видом», – читает Лúка. – О чем она?

– О девушке Люси, которая посещает Флоренцию со своей тетей.

– Опять Италия.

Анна в растерянности встречается взглядом с Лúкой. Уже не думает ли парень, что она выбрала эту книгу из-за него?

– Я так хочу туда поехать, – объясняет девушка. – Наши друзья живут у самой Пьяцца Дуомо.

– У собора Санта-Мария-дель-Фьоре?

– Точно. Если бы не война, я бы уехала туда изучать итальянский. Пару лет назад у них гостил мой брат, и с тех пор, как он вернулся домой и рассказал о своих впечатлениях, я мечтаю съездить во Флоренцию. А ты из какого региона Италии? – с интересом спрашивает она.

– Из Болоньи. Это не так далеко от Флоренции. Я бывал во Флоренции, видел «Давида» Микеланджело и картины Боттичелли. Ты знаешь *Nascita di Venere*? Я, к сожалению, не знаю названия на шведском.

– «Рождение Венеры»?

– Да, – кивает он в ответ. – Она волшебна. Когда стоишь перед ней, невозможно глаз оторвать. – Лúка делает импульсивный жест рукой, и глаза его начинают светиться.

Анна улыбается. Ее удивляет, как он говорит об искусстве. Она не ожидала от батрака такого глубокого интереса к живописи и скульптуре.

Со стороны того места, где собрался народ, доносится грохот, и они оборачиваются. Раздающийся звук похож на удары ногой по уличному фонарю, но Анне ничего не видно – только море человеческих спин.

– Пойдем, – говорит Лúка. – Посмотрим, что там проис-

ходит.

Он направляется к церкви, Анна идет следом. Когда они подходят ближе, она видит мужчину, стоящего на перевернутом вверх дном деревянном ящике, – полного, в коричневом костюме и с прилизанными волосами.

– Им здесь не место, – говорит митингующий и грозит кулаком. – Они принадлежат другой расе, это очевидно. Шведы – один из древнейших народов мира, а господин Ханссон пускает сюда иностранцев, которые крадут наши рабочие места. Нечего потом удивляться росту безработицы.

Анна с велосипедом встает в сторонке. Мужчина ей незнаком, но что-то сжимается внутри от его слов.

– И что же нам делать? – спрашивает женщина в сиреновой шляпке.

Политик убирает со лба челку:

– Голосуйте за меня, Ингве Хельберга, и я добьюсь, чтобы у нас была страна, какую мы заслужили.

В воздухе ощущается напряжение, молодой блондин в синей рубашке начинает раздавать листовки, и по собравшейся толпе пробегает ропот.

– Здесь адрес канцелярии нашей партии, – выкрикивает молодой человек. – Записывайте всех евреев и коммунистов, на которых наткнетесь, и отправляйте списки нам.

– Только я смогу помочь вам избавиться от этого сброда, – объясняет Ингве Хельберг. – Я не позволю безбожникам и красной сволочи разрушить нашу родину!

Анна смотрит на молодого человека с листовками. Она знаком ей: это Юн, старший сын хозяев соседнего хутора, он обычно помогает им с заготовкой сена. Анна не раз слышала, как он громко ругается со своими родственниками, швыряет в братьев чем попало и матерится, если кто-нибудь неправильно погрузит сено на телегу. Однажды она видела, как Юн замахнулся на собственную мать. Девушка была уверена, что та получит от сына пощечину, но он опустил руку, заметив, что за ними наблюдают. Тогда ничего не произошло, но она до сих пор помнит искры злобы в глазах парня.

Придерживая велосипед, Анна пытается пробраться вперед, но на ее пути толпа народа. Оглядываясь в поисках Лúки, она замечает, что он уже протиснулся в центр.

– А разве мы не обязаны помогать тем, кто спасается бегством от господина Гитлера? – громко спрашивает Лúка.

Лицо стоящего на деревянном ящике политика приобретает насмешливое выражение.

– Ты же папист, какое тебе дело до евреев?

Лúка оглядывается по сторонам:

– Мне до всех людей есть дело.

– В таком случае можешь возвращаться туда, откуда приехал, и не суй свой нос в дела другого народа, – ответил ему политик.

В толпе на площади раздаются смешки. К Лúке, скрестив руки, подходит Юн. Широкоплечий хуторянин нависает над итальянцем.

– Пошел отсюда, – шипит он.

Анну передергивает от неприязни, и она расталкивает народ велосипедом, чтобы подойти ближе к Лúке.

– Пойдем, – зовет она его, дергая за рукав.

Долгое мгновение Лúка стоит, встретившись взглядом с Юном, потом поворачивается к Анне.

– Я сяду на автобус, но могу пройти с тобой немного вдоль дороги, – говорит он, кивая в сторону моря.

Выбравшись из толпы, они идут быстрым шагом к дороге Ландскрунавэген, ведущей обратно в Глумслёв. Судя по его виду, Лúку переполняет злость. Анна теряется, не зная, что сказать в такой ситуации, и, когда итальянец наконец останавливается, напряженно смотрит на него.

– *Avere la facciada pesce lesso.*

– Что это значит?

– Что у этого мужчины лицо, как у вареной рыбы, – объясняет он.

Анна пристально смотрит на Лúку, но, когда он расплывается в улыбке, прыскает от смеха.

– Я думала, ты страшно разозлился.

– Так и есть, – замечает он. – Ненавижу нацистов. Это они развязали войну. Но если расстраиваться из-за каждого идиота, жизнь станет ужасно грустной.

Анна грустно усмехается. Думает, как бы отреагировал Лúка, если бы узнал, что ее отец заключает сделки с немецким правительством.

– А ты уверен, что всему виною Гитлер? Я хочу сказать: Советский Союз разве не менее опасен?

– Опасность представляют все, кто хочет властвовать над другими, – тихо произнес он. – Но я слышал ужасные вещи о том, что происходит в Германии. Они терроризируют евреев, там есть лагеря, где людей истязают до смерти. Война пробуждает в нас худшее, и Гитлер – *coglione*⁵, совсем как Муссолини, – говорит Лúка.

– Когли-кто?

– Да так, неважно.

Анна выпрямляет спину. Рассуждения Лúки заставляют ее взглянуть на мир по-новому.

– Почему ты не можешь научить меня?

– Научить тебя чему?

– Ну, итальянскому, естественно. Я тоже хочу уметь так ругаться.

Лúка грозит ей указательным пальцем:

– Никаких непристойностей, пока не научишься красивым словам.

– *Pesce lesso*⁶, – дразнит его Анна.

– От этого у меня только аппетит просыпается, – смеется Лúка, потом внезапно становится серьезным.

– *Le cose belle arrivano quando non le cerchi*⁷.

⁵ Мудак (*ит.*).

⁶ Вареная рыба (*ит.*).

⁷ Прекрасное приходит, когда его не ищешь (*ит.*).

Анна из всех сил старается повторить сказанное Лúкой:

– Le cose belle...

– Arrivano quando non le cerchi, – терпеливо повторяет молодой человек.

– Arrivano quando non le cerchi. Звучит красиво. Что это означает?

– Прекрасное приходит в нашу жизнь, когда мы меньше всего этого ждем, – говорит Лúка, глядя ей прямо в глаза. Анна чувствует, как у нее начинают гореть щеки.

– Мне пора домой, – быстро выпаливает она.

– Конечно.

Она садится в седло и отталкивается.

– Если ты научишь меня итальянскому, может быть, я могла бы побольше рассказать тебе о Швеции? – кричит Анна через плечо.

– Va bene allora⁸, – доносится до нее ответ Лúки.

На повороте она осторожно поворачивает голову назад и смотрит на Лúку, идущего в тридцати метрах от нее. Анна знает, что он не относится к типу людей, с которыми ей следует общаться, но чем чаще она его встречает, тем больше ей нравится с ним разговаривать. К тому же других друзей у нее здесь нет. Да и кто может лучше научить итальянскому, если не итальянец? Это даже родители должны понимать.

⁸ Что ж, идет (*ит.*).

Глава 9

Апрель 2007 года

Ребекка просыпается без будильника в половине шестого и с удивлением смотрит на часы. Впервые за долгое время она проспала всю ночь, ни разу не проснувшись. Дома, в Стокгольме, как бы мало часов ни длился ее сон, Ребекка заставляет себя подниматься ни свет ни заря, чтобы перед работой успеть на пробежку. Поскольку Йуар убежден, что правильные привычки – залог успеха в этой жизни, каждый день они начинают со стакана сока сельдерея и утреннего выпуска новостей, а потом надевают наушники и отправляются бегать.

Девушка берет оставленный на подлокотнике дивана мобильный и просматривает сообщения. Йуар так и не ответил. Скорее всего, он с головой ушел в судебный процесс, но все равно такое длительное молчание кажется ей странным. Неужели он совсем не скучает по ней?

На заре отношений, когда кто-нибудь из них уезжал, они постоянно были на связи. Ребекка вспоминает, как они разговаривали по телефону, одновременно просматривая одну и ту же телепередачу. Помнит, что голос Йуара в телефонной трубке разгонял ощущение одиночества, посещавшее ее в скучных гостиничных номерах. Теперь же они не смотрят одну и ту же передачу, даже когда лежат вместе в одной

постели. Йуар всегда лежит в обнимку со своим ноутбуком – работает и смотрит одним глазом какой-нибудь занудный турнир по гольфу или футбольный матч, а работы часто бывает столько, что вечерами они практически не успевают поговорить.

Сквозь жалюзи начинают пробиваться первые лучи солнца, и Ребекка гонит прочь мысли о Йуаре. Он обязательно перезвонит ей, как только будет время. Девушка задумывается, не пробежать ли пару километров? Спина и плечи заостенели, пока она часами сидела на коленях, работая в саду, но, если размять мышцы, должно стать лучше.

В бабушкиной кухне не водятся ни сельдереи, ни соковыжималка, поэтому Ребекка достает бутылку апельсинового сока, который ее жених назвал бы сахарной бомбой, выпивает стакан и зашнуровывает беговые кроссовки.

Несмотря на весну, утренний воздух веет прохладой. Ребекка делает глубокий вдох, втягивая землистый запах открытых полей, и решает пробежаться до расположенной неподалеку лиственной рощи.

Грунтовка мягко шуршит под ногами, и девушка быстро выбирает комфортный темп. Как это ни удивительно, она чувствует прилив сил. По пути все чаще встречаются дома и фермерские угодья. В некоторых окнах Ребекка успевает уловить любопытные взгляды.

Она делает вид, что не замечает этого, но ее удивляет, как многие выбирают для житья место, где им никогда не удаст-

ся сохранить анонимность. В таком маленьком поселке все тайны становятся общим достоянием и от надзора никуда не скрыться.

Возвращаясь назад, девушка замечает силуэт во дворе у Герды и понимает, что это – Арвид. Замедлив темп, проводит рукой по волосам. Может, у него и правда был тяжелый день, когда она приходила к нему знакомиться? В любом случае ссориться с бабушкиным ближайшим соседом совсем ни к чему.

Ребекка машинально натягивает рукава свитера на кулаки и уже собирается поздороваться, как Арвид внезапно поворачивается к ней спиной.

Она останавливается. Конечно, их разделяют всего два десятка метров, но должен же он был заметить ее приближение?

Неужели этот Арвид и вправду настолько неприятный, что специально избегает ее, не желая здороваться?

Девушка делает еще пару неуверенных шагов. Еще не поздно что-нибудь сказать, но слова будто застряли в горле – она ускоряется и делает последний рывок, добегая до бабушкиного дома.

Оказавшись у цели, Ребекка замечает Скарлетт, поджидающую ее у входной двери.

– Привет, – говорит она кошке. – Здорово, что ты помнишь сюда дорогу. Хочешь перекусить?

Кошка смотрит на нее и издает протяжное «мяяуу». Ре-

бекка придерживает открытую дверь на случай, если Скарлетт захочет зайти погреться, но она не двигается с места.

– Ладно, понимаю. Тогда подожди – принесу еду.

Кошка принимается за трапезу сразу, как только девушка ставит перед ней наполненную миску и возвращается в дом. Она жадно заглатывает еду и исчезает. Ребекка наблюдает за ней через окно, раздумывая, где проводит время животное, когда не гостит у бабушки. Может, навещает хозяйство Герды, чтобы подразнить Арвида с женой. Вот и правильно.

Приняв душ и позавтракав, девушка присаживается к кухонной столешнице. Бабушкина большая круглая жестянка не убрана со вчерашнего вечера; взглянув на нее, Ребекка достает ноутбук и печатает в строчке поисковика: «Хиллесторден». Очень скоро на экране перед ней появляются фотографии поместья, затерявшегося среди холмов Гульмслёва. Оно находится недалеко от Бьёркбаккена, но Ребекка не припомнит, чтобы ей рассказывали об этом огромном доме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.